

ЛИМАН Игорь Геннадиевич / LIMAN Igor

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

igorlim@gmail.com

ФИНЛЯНДИЯ В ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ (1570–1595 гг.): ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

**FINLAND DURING THE TWENTY-FIVE YEARS' WAR BETWEEN SWEDEN
AND RUSSIA (1570–1595): HISTORY AND MEMORY**

Abstract: The article researches the Finnish aspect of the Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia (1570–1595), as well as the content and the significance of its image in the collective memory of the Finns. The relevance of the article is determined by the absence of a complete concept of the Twenty-Five Years' War in the Russian historiography. For this reason, many events of the confrontation between Sweden and Russia during the second half of the XVI century were seen as less significant ones, and the Finnish aspect of that war was almost excluded from the Russian historiography. It was concluded that the Finnish aspect of the Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia is important for understanding the development not only of Finland in the second half of the XVI century, but also of the entire Baltic region. In addition, the historical experience of Finland during numerous wars between Sweden and Russia, including the period of *Pitkä viha*, was used in forming the Finnish national identity. In the symbolic meaning it possessed not only the powerful uniting force, but also incarnated the historical hostility between Russians and Finns. The times of remembrance and oblivion of the symbols of the past make it possible to describe the image of the Russian nation as 'the Other' for the Finnish identity.

Ключевые слова / Keywords: История Финляндии, Ливонская война, русско-шведские войны, *Pitkä viha*, Двадцатипятилетняя русско-шведская война, образ Другого, историческая память / History of Finland, Livonian War, Russo-Swedish wars, *Pitkä viha*, Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia, the image of the Other, collective memory

Двадцатипятилетняя русско-шведская война (1570–1595 гг.) — период *Pitkä viha* — имеет особое значение в истории Финляндии, а произошедшие на её территории события оказали важное влияние на происходившую борьбу двух государств. В свою очередь, наблюдается практически полное отсутствие «финляндских» событий в русско-шведском противостоянии второй половины XVI века в тех концептах российской историографии, которые существуют в настоящее время. Обобщение и анализ материалов опубликованных источников, кратких сведений российской историографии и более значительных достижений финляндской историографии позволит создать основу для будущих исследований.

Значение событий периода *Pitkä viha* не ограничивается историей XVI века, и уже память о войне сыграла важную роль в конструировании финской

идентичности. Определение памяти как способа конструирования людьми своего прошлого подразумевает сохранение не его аутентичного состояния, а только определённой версии, которую признало сообщество — например, нация — в текущий момент¹. Данное прошлое имеет функциональное значение, и его задача заключается в том, чтобы определить границы сообщества, сформировать представление о себе по контрасту с «Другими»². В свою очередь, функциональность бесчисленного количества элементов образа «Другого» — Текста (интертекста) — определяется актуальным культурным кодом «читателя», а способ его дешифровки — исследование символов прошлого. Вполне вероятно, что период *Pitkä viha* — его образ — стал одним из таких символов, и его изучение позволит выявить новые особенности многогранного процесса формирования финской нации.

Финляндия в Двадцатипятилетней русско-шведской войне (1570–1595 гг.)

Географическое положение Финляндии и Карелии как пограничных областей двух сильных государств оказало значительное влияние на их историческое развитие. Данные территории стали полем битвы в череде многочисленных русско-шведских войн и предшествующих им сражений. Важным рубежом в ожесточённой борьбе стало заключение Ореховецкого мирного договора между Швецией и Новгородской республикой в 1323 году³, и он продолжал действовать после образования Русского государства. Его важное значение заключается в установлении первой известной границы — с учётом особенностей использования данного понятия — между двумя государствами. Установленная граница не подвергалась каким-либо изменениям вплоть до заключения Тявзинского мирного договора в 1595 году, соответственно, существовала 272 года.

В течение XIV–XVI веков условия договора часто нарушались, что являлось причиной возникновения вооружённых конфликтов. Одной из наиболее острых проблем стало распространение финских поселений за пределы определённых договором границ, что создавало условия для установления шведской власти на новых территориях⁴. В результате колонизации не стало известной из фольклора «дикой Саволакской украины, где преступник мог скрываться многие годы, пока само время не вымолит ему прощения»⁵. В свою очередь, произошедшие изменения могут быть связаны не с миграционными процессами, а с распространением

¹ Сафронова Ю. А. Историческая память: введение. СПб., 2019. С. 15.

² Там же. С. 33.

³ 1323 г. августа 12 — Договорная грамота Новгорода со Швецией о мире (Ореховецкий договор) // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 68.

⁴ Киркин Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 35.

⁵ Дялина М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908. С. 45.

шведских административных механизмов на местных жителей не таких пустынных территорий, как предполагалось раньше, за пределами «ореховецкой» границы⁶. В данном случае представляется возможным учитывать оба фактора как свидетельства того, что восточная политика Швеции на протяжении XIV–XVI веков была весьма активной и успешной, направленной на постепенное (хотя происходящее не постоянно) перемещение её действительной — фактической — границы в восточном направлении.

Нарушение «ореховецкой» границы — прежде всего, в Саво (Саволаксе) — стало постоянной причиной вооружённых столкновений как небольшого масштаба между жителями приграничных территорий, так и полноценных войн между двумя государствами. Первые пограничные стычки отмечаются уже в конце XIV века, а с течением времени они развились во взаимные нападения. Данные конфликты обострили российско-шведские отношения во второй половине XV века и стали прологом полноценной войны (1495–1497 гг.), в результате которой ни одной из сторон не удалось достигнуть своих целей (*status quo ante bellum*)⁷. Заключённое между Россией и Швецией перемирие не решило проблему, но его продление в 1510 году (на 60 лет) и последующие случаи подтверждения⁸ смогли обеспечить относительно спокойную жизнь в Финляндии и Карелии на протяжении первой половины XVI века. Данное обстоятельство способствовало экономическому развитию территорий — это было время «настоящего Ренессанса как для шведской, так и для русской Карелии»⁹.

Период правления Густава I Васа (1523–1560 гг.), особенно его заключительная часть, представляется «золотым веком» в истории Швеции с точки зрения материального благополучия её жителей. Наступивший период процветания Э. Ф. Хекшер объясняет прекращением постоянной внутренней борьбы и созданием эффективного административного аппарата, а последующий в XVII веке упадок — значительным ростом населения в предыдущем столетии, а также многочисленными войнами. В свою очередь, шведский историк Г. Уттерстрём настаивает на сопутствующем благоприятном климатическом факторе, который оказал важное — даже решающее — влияние на произошедшие изменения¹⁰. В данном контексте он обращает внимание на потепление, которое наступило во второй

⁶ Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тязвинского [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2019. С. 8. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=31797> (15.12.2021).

⁷ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 44–45.

⁸ Пожлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995. Вып. 2. Кн. 1. С. 155.

⁹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 45.

¹⁰ Utterström G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // Scandinavian Economic History Review. 1955. Vol. 3. P. 21–22.

половине XV — первой половине XVI веков, а затем вновь сменилось периодом похолоданий.

В период мягкого климата наблюдается значительный рост населения во всех частях Европы, и климатический фактор мог стать решающим в произошедших демографических изменениях¹¹. Такой рост населения был и на севере Европы, в том числе в Карелии, что прослеживается на основе писцовых, переписных и дозорных книг XV–XVII веков. Например, численность населения Передней Корелы в период 1500–1568 годов увеличилась более чем вдвое, а число горожан Корелы возросло в 2,4 раза¹². В условиях распространённости экстенсивного промыслового типа хозяйства обозначенные демографические изменения могли стать причиной обострения межплеменных отношений и возникновения новых военных столкновений. Собственно, поиск «климатической первопричины» и антропоцентрические убеждения вызывали наибольшие сомнения у критиков Г. Уттерстрёма¹³, но не стоит однозначно игнорировать климатический фактор — пусть он даже и не самый важный — и его влияние на экономическое развитие. Следует учитывать, что чем более ранние события истории рассматриваются, тем больше внимания следует уделять климатическому фактору.

Широкое распространение разнообразных промыслов в Карелии было связано как с особенностями местности, так и с налоговой политикой правительства в Новгородской земле¹⁴. Если раньше ограниченность территорий для ведения промыслового хозяйства уравнивалась относительно малым количеством населения, то его бурный рост в конце XV — первой половине XVI веков нарушил существующий баланс. Данное обстоятельство побудило карелов к расширению зоны расположения своих промысловых угодий, а их перемещение в западном направлении вновь обострило вопрос о принадлежащих им территориях, которые к тому времени уже давно были заняты финнами. Таким образом, в конце XV — первой половине XVI веков климатический фактор стал одним из катализаторов ускоренного развития Карелии, но с течением времени косвенно способствовал возникновению новых конфликтов.

Становление Русского царства и Шведского королевства, а также произошедшие экономические и демографические изменения вновь обострили пограничный вопрос. К середине XVI века межплеменная борьба приобрела угрожающие масштабы, а в среде финляндского дворянства окрепло убеждение, что проблему границы следует решить силой оружия. Если ещё в 1540-е годы шведский король Густав I придерживался осторожной линии в отношении России и

¹¹ Ibid. P. 40.

¹² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 136.

¹³ *De Ruя Ladюри Э.* История климата с 1000 года. Л., 1971. С. 14.

¹⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 148.

отвергал подобные предложения, то в середине 1550-х годов он поддержал позицию дворянства. В свою очередь, к ограниченной войне с целью побудить шведов к демаркации границы стремился и русский царь Иван IV¹⁵. Территориальный спор, особенно из-за небольшого (98 квадратных километров) участка земли в верховьях реки Сестра — Риитамаа (фин. *Riitamaa* — спорная земля), стал основной причиной русско-шведской войны 1554–1557 годов (или 1555–1557 гг.). Она сопровождалась опустошительными набегами и привела к разорению приграничной местности, но произошедшая война не смогла решить существующие проблемы.

В результате войны было заключено перемирие сроком на 40 лет, а граница была подтверждена в соответствии с Ореховецким мирным договором¹⁶. К тому времени действительная граница между государствами уже значительно отличалась от её официального расположения, что было причиной постоянных военных столкновений. Предполагалось, что в будущем — 20 июля 1559 года — произойдёт созыв межевого съезда на реке Вуоксе для демаркации границы с разбором жалоб и претензий приграничного населения¹⁷. Заключённое перемирие, его последующая ратификация (изначально даже не была предусмотрена, но произошла по инициативе Ивана IV) создали благоприятные условия для России, чтобы начать войну с Ливонией в январе 1558 года¹⁸. В новых условиях интересы обоих государств — и России, и Швеции — оказались сосредоточены на ситуации в Прибалтике, поэтому межевой съезд так и не состоялся¹⁹, а вопрос о спорных территориях не был решён.

Если коренной причиной произошедшей русско-шведской войны 1554–1557 годов стала проблема постоянных нарушений «ореховецкой» границы, то поводом к войне послужило чувство оскорблённости у шведского короля Густава I иметь внешние сношения с Россией через Новгород²⁰. Если изначально — после подчинения Новгорода (1478 г.) — такая практика сохранялась как старинный обычай, то с течением времени она стала частью идеологических воззрений. В XVI веке сложился российский дипломатический этикет, согласно которому не все монархи считались равными русскому царю, что долгое время касалось и шведских королей из династии Васа²¹. В таком случае отсутствовали прямые дипломатические

¹⁵ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 91–93.

¹⁶ 21 февраля — 24 марта 1557 года. Посольство полномочных послов короля Густава Адольфа — Стена Ериксона, Лаврентия, Архиепископа Упсальскаго, Михаила Агриколы, епископа Абоссакаго, «Бентелея Гультя» (Bångth Gyltta), Кнута Кнутсона и Олофа Лаврентсона для заключения мира с царем Иваном Васильевичем на сорок лет с 7065 по 7105 год // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 42.

¹⁷ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР ... С. 160.

¹⁸ Там же. С. 161.

¹⁹ Suomen historian pikkujättiläinen / Päätoim. S. Zetterberg. Helsinki, 1987. S. 138.

²⁰ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР ... С. 158.

²¹ Коваленко Г. М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. С. 50.

отношения между Стокгольмом и Москвой, а проведение переговоров и заключение соглашений со Швецией осуществлялось от имени новгородского наместника (с последней трети XVI века — воеводы), что означало его равенство со шведским королём. Сущестующая дипломатическая практика оскорбляла шведских монархов, и они стремились ликвидировать унижающий их «посольский обычай»²².

Таким образом, накануне Двадцатипятилетней русско-шведской войны спор о «посольском обычае» представлял собой ещё одну острую проблему в отношениях двух государств. Обозначенную дипломатическую практику почти удалось ликвидировать в 1567 году, когда был заключён договор о дружбе, союзе, взаимопомощи и окончательном мире между Россией и Швецией²³. Его появление представляет собой — по оценке Г. В. Форстена — «решительный триумф московской дипломатии над шведской», а реализация договора на практике могла полностью изменить ситуацию в Балтийском регионе в пользу России²⁴. С целью ратификации договора в Стокгольм отправилось российское посольство во главе с боярином Иваном Михайловичем Воронцовым (1567–1569 гг.), которое прибыло к месту назначения 20 июля 1567 года²⁵.

Более года шведский король Эрик XIV не принимал их под разными предложениями²⁶, но действительной причиной задержки было начало его конфликта с братьями, а также частью шведской аристократии²⁷. Только в сентябре 1568 года послам удалось встретиться с Эриком XIV, и он уже не был готов отправить Катарину Ягеллонку в Россию. Шведский король утверждал, что о таком условии договорились его послы, которые думали, что Юхан III умер, а «от жива мужа жена не отлучаетца»²⁸. В свою очередь, одним из основных условий союзного договора была передача Ивану IV Катарину Ягеллонки — сестры польского короля Сигизмунда II Августа, а также жены Юхана III — брата шведского короля Эрика XIV.

29 сентября 1568 года в Стокгольме произошёл государственный переворот, в результате которого Эрик XIV был свергнут, а к власти пришёл его брат — Юхан III²⁹. Новый монарх аннулировал союзный договор ещё до его ратификации, а члены российского посольства оказались в заточении и были отпущены только

²² Там же. С. 51.

²³ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР ... С. 163–164.

²⁴ Фролов Р. А. Русско-шведские отношения в 60-е гг. XVI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 8 (76). С. 313.

²⁵ Статейный список И. М. Воронцова (Швеция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 2008. С. 7.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Там же. С. 55–56.

²⁸ Там же. С. 57.

²⁹ Статейный список И. М. Воронцова (Швеция) ... С. 59–60.

4 июня 1569 года³⁰. Такое развитие событий способствовало резкому ухудшению отношений с Россией, и Иван IV даже пригрозил Швеции войной³¹. В свою очередь, Юхан III предпринимает попытку — скорее, формальную — установить «прочный мир» и с этой целью отправляет в Россию посольство во главе с финляндским епископом Павлом (Паавали) Юстеном³².

14 сентября 1569 года посольство прибыло в Новгород, а на следующий день его участники были приглашены к наместнику, но они отказались от беседы с ним³³. Такой ответ обосновывался тем, что беседа (или переговоры) с наместником не входят в число их задач, потому что их направили только к «Московскому Великому князю и царю», и ранее они не могут рассказывать кому-либо о делах, с которыми были посланы. Напротив, участники посольства заявили о своей готовности вернуться обратно в Швецию, если переговоры не смогут состояться в обозначенном формате³⁴. Их жёсткая позиция свидетельствует о том, что установление «прочного мира» было не единственной задачей посольства (возможно, даже не основной), но также предпринималась ультимативная попытка изменить существующую дипломатическую практику. Даже не столько изменить, сколько закрепить её на основе ранее аннулированного союзного договора, который создал прецедентный случай³⁵.

Только с появлением угрозы нападения «собранным царем войска на Финляндию и разорения ее огнем и мечом» послы посчитали, что представляется возможным изложить своё дело новгородскому наместнику³⁶. Подобная смена первоначальных установок о практике дипломатических отношений наблюдается и в ходе дальнейшего развития событий, что произошло не по решению самих послов, а в соответствии с инструкцией Юхана III³⁷. В таком случае их изначальная настойчивость представляется весьма странной, если рассматривать заключение «прочного мира» как основную цель посольства. Весьма вероятно, что в стратегических планах Юхана III действительная потребность в мире с Россией отсутствовала, но в условиях продолжающейся Северной семилетней войны (1563–1570 гг.) требовалось выиграть время перед наступлением неизбежной русско-шведской войны. Собственно, отправка послов как способ сохранить мирные отношения — пусть и на весьма короткий срок — оказалась успешной тактикой; в

³⁰ Там же. С. 62.

³¹ *Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland. Helsinki, 2003. P. 125.

³² *Юстен П.* Посольство в Московию 1569–1572 гг. = *Matka Moskovaan 1569–1572.* СПб., 2000. С. 95.

³³ Там же. С. 101.

³⁴ Там же. С. 105.

³⁵ Там же. С. 123.

³⁶ Там же. С. 119.

³⁷ Там же. С. 133.

противном случае война могла начаться раньше, что подтверждают слова Ивана IV³⁸.

В свою очередь, судьба российского посольства во главе с И. М. Воронцовым (1567–1569 гг.) не была забыта, что стало одной из причин аналогичного отношения к послам из Швеции. Не только «месть», но также нарушение «посольского обычая» — по словам Ивана IV³⁹ — стало причиной неподобающего отношения к шведским послам, их последующего заключения под стражу и ссылки в Муром. Беспечное обращение с послами из Швеции объясняется не только обозначенными причинами, но и тем обстоятельством, что российская сторона не рассчитывала на продолжение мирных отношений, поэтому ей было «все равно, подтвердится ли мир или начнется война»⁴⁰. Даже условия подписания мирного договора, которые обозначили шведским послам в России, были крайне чрезмерными⁴¹.

В действительности мы наблюдаем «игру» двух монархов, где каждый осознавал неизбежность предстоящей войны, но им требовалось время для подготовки к ней. К тому моменту противоречия между Россией и Швецией обострились настолько, что стороны не были готовы к компромиссу. Ситуация была весьма сложной и потому, что конфликт развивался не только в отношениях государств, но и правителей. Между Юханом III и Иваном IV существовала личная вражда⁴²; оскорбительные послания, которыми обменялись монархи, возможно, не имеют аналогов в мировой истории⁴³. Таким образом, целая совокупность факторов предопределила неизбежность предстоящей русско-шведской войны, но решающее значение имело столкновение интересов двух держав в Прибалтике.

Ещё в январе 1558 года началась война России со слабой Ливонией⁴⁴, но небольшой конфликт послужил триггером для начала напряжённой борьбы между государствами Балтийского региона. В 1561 году Швеции удалось включить в состав своего государства Эстляндию (северную часть современной Эстонии) с городом Ревель (Таллин), что стало одним из первых шагов на пути к созданию великой державы⁴⁵. Новый порт был весьма важным стратегическим приобретением, а по характеристикам — экономическим и численности населения — превосходил

³⁸ Юстен П. Посольство в Московию ... С. 151.

³⁹ Там же. С. 149.

⁴⁰ Там же. С. 117.

⁴¹ Там же. С. 145–147.

⁴² Kirkinen H. Karjala taistelukenttä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki, 1976. S. 120. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170155> (15.12.2021).

⁴³ Jutikkala E., Pirinen K. A History of Finland. P. 125.

⁴⁴ Объявление войны царем Иваном Васильевичем городу Ревелю // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1886. Октябрь — декабрь. Кн. 4. С. 1.

⁴⁵ Кан А. С. История скандинавских стран. М., 1980. С. 60.

даже столичный Стокгольм⁴⁶. Обладание одним из крупнейших торговых городов на побережье Балтийского моря оказало весьма важное влияние на внешнеполитические планы шведских правящих кругов. В последующем было необходимо учитывать позицию сильного и богатого ревельского купечества, а также интересы города в своих планах, например, в «великой восточной программе»⁴⁷.

Активное участие Швеции в разделе ливонского наследства стало причиной появления новых разногласий в отношениях с Россией⁴⁸. Долгое время двум государствам удавалось избегать прямого столкновения, а в некоторые моменты их интересы даже совпадали, что позволило достигнуть предварительного согласия об установлении союзных отношений в 1567 году. В свою очередь, государственный переворот в Стокгольме — в 1568 году — значительно изменил ситуацию: не только обострились существующие разногласия в российско-шведских отношениях, но также последовало сближение Швеции с Польшей, что стало ещё одним фактором развития конфликта с Россией⁴⁹. Уже в августе 1570 года русская армия вторглась в шведскую Эстляндию и осадила Ревель (Галлин)⁵⁰. Данное событие стало началом Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.), но в российской историографии его связывают с переходом к «шведскому» этапу Ливонской войны (1558–1583 гг.).

Искусственно сконструированный историографический концепт Ливонской войны стал более важной частью созданного нарратива, чем конкретное русско-шведское противостояние. Данное обстоятельство послужило причиной возникновения целого ряда проблем, которые ограничивают возможности основательного изучения рассматриваемых событий. Весьма продуктивным подходом представляется исследование не Ливонской войны как целостного конфликта, а каждого конкретного случая противостояния России с её противниками⁵¹. Обращение к уже существующему в зарубежной историографии концепту Двадцатипятилетней русско-шведской войны открывает более широкие возможности для исследования как генезиса конфликта, так и событий самого противостояния двух держав во второй половине XVI века, в том числе

⁴⁶ *Karonen P. Pohjoinen suurvalta: Ruotsi ja Suomi 1521–1809. Porvoo; Helsinki; Juva, 1999. S. 131.*

⁴⁷ *Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 24.*

⁴⁸ *Протокол мирных переговоров, веденных на реке Сестре (Systerbäck) 3 июля 1575 г. Шведским посольством с послами Ивана Грозного // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1895. Кн. 2. С. 4.*

⁴⁹ *Karonen P. Pohjoinen suurvalta. S. 132.*

⁵⁰ *Suomen historian pikkujättiläinen. S. 154.*

⁵¹ *Лиман И. Г. Двадцатипятилетние войны XVI века в истории России и Финляндии // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 4. С. 96. URL: https://uchzap.petrstu.ru/files/redaktor_pdf/1622097707.pdf (15.12.2021).*

«финляндской» составляющей, которая оказалась практически исключённой из российской историографии. Произошедшие на её территории события оказали важное влияние на действия противоборствующих сторон, а в некоторые моменты имели решающее значение для войны в целом.

Ещё накануне войны наместник в Финляндии Ханну Лауринпойка Бьёрнрам (Ханс Ларссон Бьёрнрам) предупреждал Юхана III о том, что готовится вторжение русской армии в Финляндию, но шведский король полагал, что ситуация в Прибалтике не позволит Ивану IV предпринять какие-либо действия в этом направлении⁵². В свою очередь, некоторые меры на такой случай все-таки были приняты, но дальнейшие события покажут, что их нельзя считать достаточными. На рубеже 1570–1571 годов — в начале войны — численность армии в Финляндии составляла всего около двух тысяч человек, в оборонительных действиях принимали участие также финские крестьяне⁵³. Такие силы — первоначально ими руководил Ханну Лауринпойка Бьёрнрам — не могли противостоять русской армии, которая совершила несколько успешных вторжений на территорию Финляндии в 1570–1571 годах. Уже в результате трёх первых рейдов южное побережье — от реки Сестра и вплоть до Хельсинкского региона — подверглось значительным разрушениям⁵⁴. Прочный ледяной покров позволил совершить нападения и на внешние острова Финского залива — Сескар (*Seiskari*), Мощный (*Lavansaari*), Гогланд (*Suursaari*), Большой Тютерс (*Tytärsaari*), Хаапасаари (*Haapasaari*)⁵⁵. Действия русской армии нанесли крупный ущерб финским крестьянам, что отрицательно сказывалось на последующем обеспечении шведской армии, но их влияние на общий ход военных действий было весьма ограниченным.

Весной 1571 года умер Ханну Лауринпойка Бьёрнрам, а летом произошла смена командующего армией в Финляндии: Иивари Маунунпойка Сяркилахти (Ивар Монссон Шернкорс) покинул данный пост, а его место занял Густав Банер (1547–1600 гг.). Он был образованным человеком, но его опыт ведения военных действий был весьма скромным, и назначение на должность произошло, скорее, на основе фактора личной преданности Юхану III⁵⁶. Густав Банер получил инструкции от шведского короля, где — среди прочего — указывалось, что необходимо действовать на территории России, чтобы избежать разорения Финляндии⁵⁷. 26 ноября 1571 года шведская армия во главе с Густавом Банером выдвинулась из Турку в Выборг. Если начальная численность армии составляла около 3300 человек,

⁵² *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* Helsinki, 1918–1920. S. 38. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167604> (15.12.2021).

⁵³ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 154.

⁵⁴ *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 42–43.

⁵⁵ Ibid. S. 44.

⁵⁶ Ibid. S. 46.

⁵⁷ Ibid. S. 53.

то по ходу движения она увеличилась, и уже в Выборг прибыло около 9000–10000 человек⁵⁸, что является весьма большой цифрой в условиях того времени.

В конце января — начале февраля 1572 года русская армия начала наступление на финляндском театре военных действий. Её численность — по разным оценкам пленных и шпионов — составляла около 47 тысяч человек, но цифра является явно преувеличенной⁵⁹. Наступление русской армии, как и в предыдущих случаях, сопровождалось разорением территории, но финские крестьяне уже имели соответствующий опыт и заранее спрятали продовольственные запасы, скот и другие ценные вещи. В свою очередь, Густав Банер не предпринимал каких-либо активных действий по защите Финляндии, что в отчётах Юхану III он объяснял сложными погодными условиями в зимнее время, а также превосходящими силами противника⁶⁰. Скорее, истинной причиной бездействия стал недостаток опыта у молодого командующего, который не смог оправдать надежд шведского короля. Уже летом 1572 года Густав Банер получил приказ отправиться в Польшу и покинул Финляндию⁶¹.

6 августа 1572 года на должность командующего армией в Финляндии был назначен Герман Флеминг (1520–1583 гг.). Одной из его наиболее важных задач — по плану Юхана III — стало нападение на территории Корельского и Ореховского уездов в России⁶². Первый рейд шведской армии был совершён в Корельский уезд и продолжался с 29 декабря 1572 года до 8 января 1573 года, что сопровождалось разорением приграничной территории России. Вскоре был совершён ещё один рейд, но уже на территорию Ореховского уезда, который подвергся разрушениям вплоть до окрестностей реки Невы⁶³. В свою очередь, были и другие нападения Германа Флеминга на приграничные территории России, но его рейды не оказывали существенного влияния на общий ход военных действий, а причиняли ущерб только местному гражданскому населению. Такой ущерб в масштабах всего государства не сказывался на обеспечении русской армии, но разрушал прочный плацдарм для вторжений на территорию Финляндии.

После череды взаимных нападений стороны решили заключить перемирие на финляндском театре военных действий, которое продолжалось в 1573–1577 годах⁶⁴. В течение перемирия борьба в Прибалтике не прекращалась, поэтому постоянно

⁵⁸ Ibid. S. 55–56.

⁵⁹ Ibid. S. 58.

⁶⁰ Ibid. S. 58–59.

⁶¹ Ibid. S. 62.

⁶² Ibid. S. 64.

⁶³ Ibid. S. 68–69.

⁶⁴ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 154.

существовала угроза возобновления военных действий в Финляндии⁶⁵. После заключения перемирия прибывшие в начале войны дополнительные формирования шведской армии покинули Финляндию, а оставшихся сил было недостаточно для её защиты. В 1576 году, когда появились слухи о предстоящем нападении русской армии, обороноспособность Финляндии была не в лучшем положении, чем в самом начале войны⁶⁶. Из-за активных действий в Прибалтике нападения не произошло, но были приняты меры для повышения обороноспособности Финляндии.

В начале 1577 года произошло весьма жестокое нападение татарской конницы Кутук-мурзы на область Уусимаа⁶⁷ — южную часть побережья Финляндии. Численность отряда, посланного по льду Финского залива при подходе русской армии к Таллину, составила 1200 человек⁶⁸. Герман Флеминг предпринял активные действия для защиты финского населения, но не смог помешать татарской коннице, которая разделилась на отдельные группы и подвергла значительным разрушениям одновременно разные территории Уусимаа — Порвоо, Сипоо, Хельсинки, Эспоо, Киркконумми, Сиунтио и Инкоо⁶⁹. Действия татар соответствовали их обычному способу добывать себе пропитание и одежду путём грабежа и захвата, и со стремлением обеспечить им привычный образ жизни — после присоединения Казанского и Астраханского ханств, а также Ногайской орды — связана одна из причин эскалации войны Россией⁷⁰.

Нападение на территорию Финляндии в условиях действующего там перемирия стало поводом для ответного рейда, который совершил Герман Флеминг в том же 1577 году. В результате его действий значительная часть территории Ингерманландии была подвергнута разорению⁷¹. Юхан III был недоволен результатами рейда, и в ноябре 1577 года Герман Флеминг потерял должность командующего армией в Финляндии, а его место занял Хенриikki Клаунпойка Горн (Хенрик Классон Горн) (1512–1595 гг.), который накануне назначения проявил себя во время осады Таллина русской армией⁷². В феврале 1578 года вновь возобновились вторжения на приграничные территории России с целью их разорения, а несколько

⁶⁵ 29 января — 31 июля 1575 года. — Съезд на реке Сестре шведских послов Клауса Флеминга с товарищи с русскими послами князем Василием Сицким с товарищи для заключения между обоими государствами перемирия на два года, начиная с 20 июля 1575 года // Сборник Русского исторического общества. Т. 129. С. 340.

⁶⁶ *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 133.

⁶⁷ *Шваров А. Г. Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы.* СПб., 2012. С. 72.

⁶⁸ *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 167.

⁶⁹ *Ibid.* S. 168–169.

⁷⁰ *Хорошкевич А. А. Россия в системе международных отношений середины XVI века.* М., 2003. С. 204.

⁷¹ *Kirkinen H. Karjala taistelukenttä...* S. 129.

⁷² *Tavaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 203.

позднее — осенью 1578 года — появилось указание Юхана III действовать на тех территориях, которые ранее оставались в стороне от военных действий⁷³. С этой целью ранней весной 1579 года шведская армия, которую возглавил Хенриikki Клаунпойка Горн, совершила поход через Ингерманландию вглубь Новгородской земли⁷⁴. Возможно, шведский король заметил, что такой способ ведения военных действий не мог оказать существенного влияния на исход войны, что стало причиной поиска новых подходов. Ещё летом 1578 года была предпринята первая неудачная попытка захвата крепости Корела⁷⁵, а в 1580 году произошли важные стратегические изменения, которые оказали значительное влияние на дальнейший ход войны и ознаменовали собой начало её нового этапа.

Таким образом, на первом этапе войны (1570–1580 гг.) обнаруживается отсутствие должной подготовки к оборонительным действиям в Финляндии: недостаток ощущался как в людских, так и материальных ресурсах. Данное обстоятельство связано не только с отсутствием внимания к проблеме, но и обнищанием Шведского государства⁷⁶. Трудности начального периода удалось быстро преодолеть, но появилась проблема обеспечения порядка и содержания большого количества солдат, прибывающих в Финляндию. Военные действия имели свирепый характер, а их сущность заключалась в тотальном разорении приграничных территорий и уничтожении гражданского населения, что должно было лишить противника возможности использовать ресурсы для ответных ударов⁷⁷. Обе стороны не уступали друг другу в проявлениях жестокости, а разрушения приграничной территории России были даже более масштабными, чем в Финляндии⁷⁸. Такие действия не могли оказать существенного влияния на исход войны, скорее, они являлись способом отвлечения внимания противника от основных событий в Прибалтике, чем пользовалась каждая противоборствующая сторона.

В 1580 году была впервые — её прообраз появился ещё в 1572 году⁷⁹ — разработана программа шведских территориальных захватов за счёт России, которая в зарубежной историографии получила название «великой восточной программы». Её задачи предполагали захват всего российского побережья Финского залива, а также Баренцева и Белого морей (вплоть до Холмогорского острога в устье Северной Двины)⁸⁰. Содержание обозначенной программы стало основой

⁷³ Ibid. S. 219.

⁷⁴ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 96.

⁷⁵ Kirkinen H. Karjala taistelukenttä... S. 131.

⁷⁶ Шкваров А. Г. Россия — Швеция ... С. 72.

⁷⁷ Kirkinen H. Karjala taistelukenttä... S. 124.

⁷⁸ Ibid. S. 136.

⁷⁹ Ibid. S. 137.

⁸⁰ История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М., 1974. С. 167–168.

для дальнейших завоевательных планов шведских правящих кругов рубежа XVI–XVII веков по отношению к России⁸¹. В результате её реализации Россия могла потерять не только выход к Балтийскому морю: с захватом Русского Севера исчезали и другие возможности для установления прямых торговых связей с государствами Западной Европы. Страна оказалась в ситуации, когда её действия определялись не только собственными мотивами, но и потребностью защищать свои исконные позиции в регионе.

После периода безуспешных действий и некоторых неудач сложилась весьма благоприятная ситуация для Швеции: активные действия Речи Посполитой в конце 1570-х — начале 1580-х годов, а также угроза на юге — крымские татары — отвлекли Россию от финляндского театра военных действий. В таких условиях предпринимаются первые шаги для выполнения задач «великой восточной программы». Действительный успех связан с именем лучшего полководца Швеции в то время — Понтуса Делагарди, который привнёс в военную практику искусство осады⁸². Он получил обширные полномочия и соответствующие наставления от шведского короля: уже не рутинное разорение территорий, а взятие крепостей (Корела, Орешек) должно было стать основной задачей нового командующего⁸³. В распоряжении Понтуса Делагарди находилась армия, численность которой составляла примерно 7000 человек⁸⁴. Шведские войска (как и польские) владели более совершенным вооружением и более передовыми методами ведения боя⁸⁵, что стало одним из факторов их успеха в сражениях с Россией.

2 октября 1580 года Понтус Делагарди прибыл в Выборг, а вскоре шведская армия выдвинулась в Россию и появилась у стен Корелы 26 октября 1580 года⁸⁶. Уже 5 ноября 1580 года была взята древняя крепость Корела⁸⁷ — политический, экономический и культурный центр Карелии; важный опорный пункт русской армии, который позволял начинать наступление сразу вглубь финляндской территории⁸⁸. Точная информация о количестве защитников крепости отсутствует, но вероятно, что их было не более 1000–2000 человек⁸⁹. Получив известие

⁸¹ Там же. С. 168.

⁸² *Kirkinen X., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. С. 96.

⁸³ *Tamaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 279–280.

⁸⁴ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 155.

⁸⁵ *Казачова Н. А., Шаскольский П. П.* Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.). Л., 1945. С. 97.

⁸⁶ *Tamaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 288–289.

⁸⁷ *Ibid.* S. 290.

⁸⁸ *Шкваров А. Г.* Россия — Швеция ... С. 74.

⁸⁹ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttä ... S. 139.

об успешном взятии крепости, Юхан III поблагодарил армию за преданность, а также отметил, что условия являются благоприятными для продолжения войны⁹⁰.

Взятие Корелы стало только началом череды побед шведской армии под руководством Понтуса Делагарди. 6 сентября 1581 года была взята Нарва, которая в то время принадлежала России — это означало реализацию одной из наиболее важных задач Швеции. После одержанной победы Понтус Делагарди публично объявил о своём разрешении грабить город в течение 24 часов, и такие действия предварительно одобрил Юхан III⁹¹. Нарвское поражение русской армии было неожиданным и дезориентировало её; в то же время значительные силы были отвлечены на оборону Пскова от польских войск во главе со Стефаном Баторием⁹². Шведский полководец Понтус Делагарди успешно воспользовался сложившейся ситуацией и быстро завоевал российские территории южной части Финского залива с крепостями Ивангород, Ям и Копорье⁹³. Его успех позволил Швеции установить сухопутную связь между её владениями в Прибалтике и Финляндией. Следующей целью стала борьба против единственной оставшейся угрозы — крепости Орешек.

В октябре 1582 года была предпринята неудачная попытка взятия крепости Орешек, и такой исход, отчасти, связан с отсутствием Понтуса Делагарди в момент начала осадных действий. Его последующее позднее прибытие не смогло что-либо изменить: шведская армия была подавлена отсутствием провизии и сопутствующими болезнями⁹⁴, а из Новгорода уже выдвинулся вспомогательный конный полк во главе с князем Андреем Шуйским⁹⁵. В свою очередь, сказывалось общее истощение людских, материальных и финансовых ресурсов Швеции, поэтому было решено временно отказаться от дальнейших планов завоевания новых территорий. Аналогичные проблемы — даже в большей степени — испытывала Россия⁹⁶, что стало благоприятной почвой для переговоров, во время которых стороны смогли договориться о заключении перемирия.

В 1582 году было подписано Ям-Запольское перемирие между Россией и Речью Посполитой, а затем — в 1583 году — последовало Плюсское перемирие со Швецией. С заключением двух обозначенных договоров связывают окончание Ливонской войны (1558–1583 гг.). Плюсское перемирие имело весьма тяжёлые последствия для России, которая потеряла свои территории на Карельском

⁹⁰ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 294.

⁹¹ *Ibid.* S. 320.

⁹² Шкваров А. Г. Россия — Швеция ... С. 77.

⁹³ Кочуркина С. П., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 57.

⁹⁴ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 370–371.

⁹⁵ Шкваров А. Г. Россия — Швеция ... С. 79.

⁹⁶ Шаскольский П. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 33.

перешейке и в Ингерманландии. В свою очередь, она смогла сохранить не только другие северные территории, но даже доступ к Балтийскому морю: оставался небольшой отрезок морского побережья с устьем Невы, где проходил важный торговый путь⁹⁷. Решительной победы не случилось, скорее, существующие противоречия между государствами обострились ещё в большей степени, потому что Россия не могла смириться с потерей своих исконных территорий, а Швеция лишь на время отказалась от осуществления больших захватнических планов⁹⁸. Таким образом, борьба между государствами не была окончена, а получила небольшую паузу, во время которой постоянно существовала угроза нарушения перемирия, а каждая сторона продолжала активную подготовку к возобновлению военных действий.

На захваченной территории Корельского уезда (Кексгольмского лена) шведы организовали управление в соответствии со своими порядками⁹⁹. Зона оккупации изначально была весьма небольшой, но с течением времени она увеличилась в размерах: если в 1581 году шведская власть распространялась только на Городенский (*Räisälän pogosta*), Кирьяжский (*Kurkijoen pogosta*) и Сердоловский (*Sortavalan pogosta*) погосты, то в 1585 году уже на всю южную часть Корельского уезда, а также на некоторые части северных погостов (в дополнение к обозначенным) — значительную часть Соломенского (*Salmin pogosta*) и южную часть Иломанского (*Ilomantsin pogosta*) погостов¹⁰⁰. Большая часть местного населения не подчинилась новой власти, покинула свои дома и ушла в пределы Русского государства¹⁰¹. Некоторые выбрали путь активных действий — карельские партизаны, которые боролись против шведских захватчиков, а также тех, кто решил остаться на территории противника. В свою очередь, были и «коллаборационисты» (и крестьяне, и бояре), которые вступили в сотрудничество с новой шведской властью и помогали ей. Особенно требовалось их участие в разведывательных действиях, что оплачивалось, и наиболее известным шпионом и проводником был Риико Репойнен¹⁰².

Двадцатипятилетняя русско-шведская война имела длительные периоды перемирий (1573–1577 гг.; 1583–1590 гг.), но если столкновения регулярных армий прекращались, то борьба иррегулярных формирований противостоящих сторон — партизан — продолжалась на всем протяжении войны. В свою очередь, интенсивность партизанских действий не была одинаковой на всем протяжении

⁹⁷ История Швеции. С. 168.

⁹⁸ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии ... С. 38.

⁹⁹ Kirkinen H. Karjala taistelukenttä ... S. 150.

¹⁰⁰ Ibid. S. 151.

¹⁰¹ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 39.

¹⁰² Kirkinen H. Karjala taistelukenttä ... S. 165.

войны: первоначально крестьяне не были готовы принимать активное участие в её событиях, но постепенно происходило вовлечение гражданского населения в партизанскую борьбу, а затем её усиление и ужесточение. Географические рамки партизанской войны весьма широки — территории от Северного Ледовитого океана до Ладожского озера¹⁰³.

Изначально карельские партизаны преследовали цель изгнания финнов с тех территорий, которые принадлежали России в соответствии с Ореховецким мирным договором, но их деятельность имела скромные масштабы. Шведская оккупация территории Корельского уезда стала мощным катализатором усиления борьбы карельских партизан, которые решили оказать сопротивление захватчику. Их действия в 1581–1583 годах помогли остановить продвижение шведов на восточные земли Карелии, чем оказали значительное влияние на общий ход войны в районе Ладожского озера¹⁰⁴. В свою очередь, карельские партизаны продолжали активно действовать и после заключения Плюсского перемирия в 1583 году, даже совершали рейды на территорию Финляндии — в Саво и Похьянмаа¹⁰⁵. В ходе борьбы обозначилось множество выдающихся представителей партизан — Кирилл Рогозин, Лука Рясянен и его брат Онитса Рясянен, Микко Ялкинен, а также Микитка, Робоница, Одина Саванов и Третьяк Колосник¹⁰⁶.

Наиболее известным лидером карельских партизан был крестьянин Кирилл Рогозин из Сердоболя (Сортавалы). Изначально он признал шведскую власть и остался жить на оккупированной территории в одной из деревень Соломенского погоста. Спустя некоторое время его ограбили, а «охранная грамота» — возможно, из-за темноты — не помогла сохранить имущество, которое не удалось вернуть даже после специального разбирательства¹⁰⁷. Кирилл Рогозин решил уйти в пределы Русского государства, где возглавил карельских партизан, которые совершали рейды в оккупированный шведами Корельский уезд с целью их изгнания. Численность отряда Кирилла Рогозина могла достигать 3000 человек. Вероятно, что цифра является преувеличенной¹⁰⁸, и она не была постоянной. В данном случае речь идёт об общей численности партизан, которые сконцентрировались в районе озера Тулмозеро, но они действовали небольшими по численности группами. В результате их действий значительное число крестьян покинуло оккупированную шведами территорию, а некоторые даже пополнили ряды партизан. В свою очередь,

¹⁰³ *Karonen P.* Pohjoinen suurvalta. S. 128.

¹⁰⁴ *Шкваров А. Г.* Россия — Швеция ... С. 78.

¹⁰⁵ *Tawaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 542–543.

¹⁰⁶ Карелы Карельской АССР. С. 39.

¹⁰⁷ *Tawaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 533.

¹⁰⁸ *Kirkkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 146.

крестьяне, которые решили сотрудничать со шведской властью, стали объектом для нападений¹⁰⁹.

На территории Финляндии особенно ожесточённая партизанская борьба развернулась в областях Саво (Саволакс) и Похьянмаа (Эстерботтен). Регулярная шведская армия была не в силах в полной мере защитить гражданское население от разорительных действий противника в Финляндии, что стало причиной включения финских крестьян в борьбу. Если в рядах саволакцев весьма быстро обнаружались лидеры, которые взяли на себя руководство военными действиями партизан, то среди жителей Похьянмаа долгое время отсутствовали выдающиеся люди с нужными навыками¹¹⁰. Только на заключительном этапе войны о себе заявил крестьянин из Похьянмаа — Пекка Весайнен, который стал наиболее известным лидером финских партизан. Военные действия финнов были обыкновенным проявлением партизанской борьбы против захватчика и не представляют собой исключительный случай. Более важным оказалось то, как данные события интерпретировали их потомки.

Способы ведения военных действий, которые использовали партизаны, были весьма жестокими: несколько десятков или сотен вооружённых людей внезапно появлялось из леса и нападало на одно из крестьянских поселений, которое подвергалось разорению и грабежу, что сопровождалось убийством — в некоторых случаях весьма зверскими способами — его жителей, в том числе стариков, женщин и детей¹¹¹. Важной составляющей разорительных рейдов партизан являлся грабёж, что могло быть некоторой компенсирующей составляющей активного участия в военных действиях, которые истощали их ресурсы. Разорительные рейды на территорию противника были типичными действиями партизан — и карельских, и финских — на всем протяжении войны, но они не ограничивались ими, а также принимали участие в действиях регулярной армии, совершали разведывательные походы и занимались обороной собственных поселений. После разорительного рейда партизан на территорию противника, как правило, следовал ответный поход, что только усиливало и ужесточало последующую борьбу.

Устремления финских партизан определялись только их собственной инициативой, но в условиях военного времени сформировалась ещё одна группа крестьян — кнапов (кнехтов), которые освобождались от уплаты налогов за вспомогательные действия в течение войны¹¹². Представителей данной группы весьма сложно охарактеризовать как партизан, потому что они имели прямое

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ *Tamastjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika.* S. 479–480.

¹¹¹ Ibid. S. 480.

¹¹² *Киржинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. С. 76.

отношение к командованию регулярной армии, но традиционное восприятие их деятельности все-таки не ограничивается формальными критериями. Наиболее известным кнапом стал Туомас Теппойнен, который сначала занимался шпионажем в пользу Швеции, а затем возглавил крестьянский кавалерийский отряд¹¹³. Сущность его деятельности практически не отличалась от занятий финских партизан, но он действовал в соответствии с получаемыми приказами, которые, впрочем, соответствовали его желанию защищать Финляндию.

В течение перемирия (1583–1590 гг.) обстановка на границе была весьма напряжённой, что было связано с продолжающейся партизанской борьбой. В свою очередь, ещё в 1586 году состоялись переговоры о мире между государствами, но шведские дипломаты выдвинули чрезмерные требования. По этой причине переговоры не имели успеха, и в январе 1590 года — после окончания перемирия — военные действия возобновились¹¹⁴. Наиболее значительным событием заключительного этапа войны стало наступление русской армии во главе с царём Фёдором Ивановичем. Её численность, по одним сведениям, составляла 180 тысяч человек¹¹⁵, по другим — около 30 тысяч человек¹¹⁶. Каарле Хенрикинпойка Горн (Карл Хенрикссон Горн) — наместник Нарвы — не смог противостоять русской армии и принял вынужденное решение заключить перемирие до 6 января 1591 года¹¹⁷. В результате масштабного похода России удалось вернуть ранее утраченные территории побережья Финского залива с крепостями Ивангород, Ям и Копорье¹¹⁸.

За проявленную слабость Каарле Хенрикинпойка Горн был приговорён к смертной казни, но помилован прямо на эшафоте. Обвинителем на его суде выступил Клаус Флеминг, который в 1591 году был назначен командующим армией в Финляндии¹¹⁹. На заключительном этапе войны её территория была важным опорным пунктом для нападений на сопредельные территории России, что проявилось в захватнических планах Юхана III. В свою очередь, шведской армии не удалось исполнить его замыслы по масштабному наступлению на территорию России сразу в нескольких направлениях¹²⁰, а отдельные походы небольших отрядов, в том числе на Кольский полуостров и к беломорскому побережью

¹¹³ *Virrankoski P.* Teppoinen, Tuomas // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2001. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-003851> (15.12.2021).

¹¹⁴ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1894. Т. 2. С. 49–50.

¹¹⁵ Там же. С. 51.

¹¹⁶ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 184.

¹¹⁷ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях ... С. 52.

¹¹⁸ *Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах. С. 57.

¹¹⁹ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. Helsinki, 1929. S. 143. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167596> (15.12.2021).

¹²⁰ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 187.

Карелии, не смогли изменить ситуацию¹²¹. Один из захватнических походов был совершён Пиетари Багге (Пером Багге) с территории Похьянмаа. В сентябре 1591 года его войско, численность которого составляла не более 1500 человек, совершило разорительный рейд к беломорскому побережью Карелии, но инструкция Юхана III предполагала большее — захват, что не было осуществлено¹²², как и многие другие мероприятия.

Активные военные действия продолжались до второй половины 1592 года, но они уже не имели прежнего масштаба, а затем начался продолжительный период переговоров о заключении мира между государствами. В ноябре 1592 года умер шведский король Юхан III, а приход к власти его сына — Сигизмунда III, который ещё в 1587 году был избран королём Речи Посполитой, значительно укрепил позиции Швеции на переговорном процессе. Из-за опасности затяжной войны в случае возобновления военных действий стороны были вынуждены пойти на уступки, и им удалось достигнуть компромисса. После продолжительных и весьма трудных переговоров между Россией и Швецией был заключён Тявзинский мирный договор в мае 1595 года. После окончания войны и урегулирования спорных вопросов наступило время возвращения беженцев в родные места, энергичного возрождения разрушенных хозяйств и оживления торговли по обе стороны границы, но период мирной жизни оказался весьма коротким¹²³.

Таким образом, на втором этапе войны (1580–1595 гг.) действия на севере — в частности, в Финляндии — приобрели основательный и вполне самостоятельный характер, что связано с изменением первоначальных установок. Основной задачей военных действий стало не рутинное разорение территорий, а взятие крепостей. Успеху шведского оружия в 1580-е годы сопутствовала благоприятная конъюнктура, которая определялась как внутренней слабостью Русского государства, так и его борьбой сразу с несколькими противниками. В свою очередь, кратковременный период мира (1583–1590 гг.) изменил ситуацию: позволил восстановить силы для продолжения войны, а также оставил только одного противника на поле битвы — Швецию. На заключительном этапе русская армия действовала весьма успешно, но приход к власти Сигизмунда III значительно укрепил позиции Швеции на переговорном процессе, в результате которого был заключён Тявзинский мирный договор (1595 г.).

Двадцатипятилетняя русско-шведская война оказала значительное влияние на последующее развитие Финляндии, что было связано с целым рядом факторов, и один из них связан с её удалённостью от Стокгольма — главного места принятия

¹²¹ Ibid. S. 192.

¹²² О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1894. Кн. 3. С. 13–15.

¹²³ Киржинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 99.

решений. Информация о ситуации на фронте поступала туда с большим временным лагом, особенно зимой¹²⁴, что стало причиной изменений в руководстве военными действиями, когда командиры на местах получили большее пространство для принятия самостоятельных решений. Более того, война послужила катализатором развития особого статуса Финляндии — увеличения её значения — в конце XVI века, когда на её территории было необходимо выполнять большое количество ранее неизвестных там административных функций, что требовали условия военного времени¹²⁵.

В 1581 году Финляндия получила статус Великого княжества, с обретением которого она перестала быть простой шведской провинцией и превратилась в отдельную область королевства¹²⁶. В перечне королевских титулов появился ещё один — «Великий князь Финляндии и Карелии», который сохранялся за всеми шведскими монархами вплоть до поражения в Великой Северной войне (1700–1721 гг.)¹²⁷. Вопрос титулатуры — поднятия собственного престижа до уровня царя Ивана IV — был только одной из причин присвоения Финляндии нового статуса. Другой причиной стала благодарность финнам за ту преданность, которую они продемонстрировали в ходе Двадцатипятилетней русско-шведской войны¹²⁸. Данная мысль имеет определённые основания: ещё Густав I выражал открытое недоверие к финнам и утверждал, что в случае победы русской армии над шведской Финляндия может быть потеряна¹²⁹, но упорное сопротивление финнов уже в текущей войне — наравне с регулярной армией — могло вызвать обратную реакцию со стороны другого шведского короля.

В том же 1581 году Юхан III утвердил собственный герб Великого княжества Финляндского, который существует и в настоящее время. На гербе изображён лев, держащий высоко занесённый прямой меч западного образца и попирающий восточную саблю, которая первоначально являлась символом Османской империи и ислама¹³⁰. В свою очередь, в римско-католической и протестантской традициях русских заклемили в качестве «врагов христианства», а в шведских официальных документах они часто фигурировали как «язычники»¹³¹. Соответственно, символическое значение герба, скорее, указывало на противостояние с Россией и одержанную над ней победу. В последующем — уже после обретения Финляндией

¹²⁴ *Tamastjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 689.

¹²⁵ *Karonen P.* Pohjoinen suurvalta. S. 102.

¹²⁶ *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 36.

¹²⁷ *Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland. P. 125.

¹²⁸ *Расила В.* История Финляндии. С. 36.

¹²⁹ *Бородкин М. М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 25.

¹³⁰ *Мейландер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 36.

¹³¹ *Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland. P. 124–125.

независимости — с обозначенным изображением льва неразрывно связана история формирования и развития наградной системы страны¹³².

Прямым следствием военных действий, которые явились тяжёлым испытанием для жителей Финляндии, стала хозяйственная катастрофа. В течение войны исчезло каждое пятое крестьянское хозяйство: если в конце 1560-х годов насчитывалось около 35,5 тысячи крестьянских хозяйств, то в начале 1580-х годов их число составляло 31,6 тысячи, а уже в начале 1590-х годов — не больше 29 тысяч¹³³. Особенно сильно пострадали жители приграничных областей, что было следствием как действий регулярной русской армии, так и карельских партизанских формирований. В свою очередь, регулярная шведская армия была не в силах в полной мере защитить гражданское население от разорительных действий противника, а её содержание было весьма тяжёлой повинностью, которая истощала ограниченные ресурсы финского крестьянства. Дополнительным фактором усиления недовольства было своевольное поведение солдат шведской регулярной армии, особенно иностранных наёмников¹³⁴.

С началом войны значительно увеличилось налоговое бремя: если в обычных условиях доля Финляндии в сборах со всего государства составляла 20–30 %, то в конце XVI века достигала 60 %¹³⁵. Были введены дополнительные налоги: один из них — «серебряный налог» — появился уже в самом начале войны с Россией и был связан с подписанием Штеттинского мирного договора (1570 г.), одним из условий которого стала выплата 150 тысяч талеров датчанам за возвращение Швеции крепости Эльфсборг. Только в 1578 году выплаты были завершены¹³⁶, но ситуация не стала лучше, потому что война с Россией требовала новых дополнительных налоговых поступлений, и к 1590 году они уже в два раза превышали прежний «серебряный налог»¹³⁷. Тяжёлое налоговое бремя существовало на фоне циничных действий низшей администрации, представители которой не упускали случая устроить своё благополучие за счёт народа¹³⁸. Неоднократные жалобы финских крестьян на происходящий произвол не смогли изменить ситуацию¹³⁹. С течением времени социальная напряжённость только усиливалась, что послужило одной из основных причин крестьянского восстания — «Дубинной

¹³² Бурков В. Г. Изображение льва в государственной символике Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 356.

¹³³ Suomen historia 2: Keskiäika, valtaistuinriitojen ja uskonpuhdistuksen aika, kansankulttuurin juuret / Toim. Y. Blomstedt. Espoo, 1987. S. 277.

¹³⁴ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. С. 28.

¹³⁵ Suomen historian pikkujättiläinen. S. 138.

¹³⁶ *Tamastjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 6.

¹³⁷ Suomen historia 2 ... S. 275.

¹³⁸ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. С. 29.

¹³⁹ *Yrjö-Koskinen Y. S.* Oppikirja Suomen kansan historiasta. Helsinki, 1869. S. 141.

войны» (1596–1597 гг.), которая стала одним из наиболее значимых событий в истории Финляндии.

Первые предвестники будущего крестьянского восстания появились ещё в течение русско-шведской войны и, отчасти, были её прямым следствием. Притеснения со стороны солдат шведской армии, рекрутчина и чрезмерные налоги поставили финнов в совершенно отчаянное положение уже в самом начале войны. В конце 1570-х появились «дубинные отряды», которые оказывали сопротивление «народным угнетателям», например, сборщикам налогов¹⁴⁰. Более того, в 1570–1590-е годы произошла целая серия локальных крестьянских волнений и восстаний, которые были вызваны разными причинами, но общим объяснением их происхождения является крайне тяжёлое положение финского крестьянства. Например, в 1574 году в приходе Марттила выступило примерно 260 крестьян, возмущённых размещением дополнительного конного отряда, который отбирал у них сено. В 1570–1580-е годы волнения распространялись по территории Финляндии, а в начале 1590-х годов значительно усилились¹⁴¹. После подписания двухлетнего перемирия между Россией и Швецией в январе 1593 года шведская армия — уже с целью решения внутренних политических проблем — продолжала находиться на территории Финляндии. Её содержание было весьма тяжёлой повинностью, и надежды финских крестьян на улучшение своего положения после окончания военных действий не оправдались, что стало основной причиной жестокого восстания в Рауталампи, которое, впрочем, было быстро подавлено¹⁴². В свою очередь, шведская армия не покинула Финляндию и после подписания Тявзинского мирного договора, что стало катализатором развития событий уже давно назревавшей «Дубинной войны».

В результате событий Двадцатипятилетней русско-шведской войны сильно пострадала не только Финляндия, но и приграничные территории севера России: Лопские погосты, поморские волости, Северное Приладожье и земли между Ладожским и Онежским озёрами¹⁴³. Возможно, территория Карелии подверглась разорениям даже в большей степени, чем Финляндия, что особенно характерно для первого этапа войны (1570–1580 гг.)¹⁴⁴, когда разорительные набеги были основным способом ведения военных действий на севере. Многочисленные свидетельства произошедших разрушений содержатся в писцовых, переписных и дозорных

¹⁴⁰ *Tamastjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. S. 213.

¹⁴¹ *Жербин А. С., Паскольский П. П.* Крестьянская война в Финляндии в конце XVI в. // Вопросы истории. 1981. № 8. С. 84–85.

¹⁴² *Yrjö-Koskinen Y. S.* Nuijasota, sen syyt ja tapoukset // Projektі Lönnot [Электронный ресурс]. 1929. URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/0328.zip> (15.12.2021).

¹⁴³ *Пашков А. М.* История Карелии с древнейших времен до 1917 года. Петрозаводск, 2013. Ч. 1. С. 40.

¹⁴⁴ *Kirkinen H.* Karjala taistelukenttänä ... S. 136.

книгах, материалы которых отражают масштабы произошедшей хозяйственной катастрофы. Например, в Лопских погостах наблюдалось повсеместное запустение многих крестьянских хозяйств¹⁴⁵ и состояние упадка в уцелевших¹⁴⁶, а также другие негативные последствия военных действий, что было характерно для многих приграничных территорий севера России¹⁴⁷. Основной причиной разорения данных территорий стали регулярно происходившие нападения противника, но были и другие — менее значимые — факторы (опричнина, природные катаклизмы и др.).

Столь разрушительная война между Россией и Швецией закончилась договором о «вечном мире», который был заключён 18 мая 1595 года в Тязвино (современная часть Ивангорода). Если ранее соглашения между государствами только подтверждали условия прежнего Ореховецкого мирного договора (1323 г.), то Тязвинский мирный договор (1595 г.) открыл новую страницу российско-шведских отношений. Данный документ является ценным историческим источником, но его русский текст, который сохранился лишь в позднейших списках, до сих пор остаётся неизданным. В свою очередь, ещё в 1868 году шведский оригинал был опубликован на русском языке А. А. Чумиковым, но его перевод устарел и не всегда исправен¹⁴⁸. Соответственно, при обращении к материалам опубликованного варианта договора следует учитывать оригинальный текст на шведском языке¹⁴⁹.

Тязвинский мирный договор предусматривал существенные изменения в территориальном составе двух государств. России — в обмен на уступки в Эстляндии (в том числе Нарвы) — шведы возвращали «замок Корелу (Кексгольм), со всею землею и местностью, которая изстари находилась под Великим Новгородом, в таком положении, как они взяты Королем Иоанном [Иоанном III]»¹⁵⁰. Сама передача крепости должна была состояться после того, «когда же Воеводы с обеих сторон назначат рубежи, как они были в старину»¹⁵¹. Российским подданным, которые к тому времени ещё проживали в Корельском уезде, «не должно чинить ни какого насилия посредством грабежа, или кого ни будь из них уводить... в Швецию, или Финляндию». Аналогичные условия гарантировались «и Шведскому и

¹⁴⁵ Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов (1587/88 г.) // *Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta* = История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Сост. Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 181.

¹⁴⁶ Там же. С. 184.

¹⁴⁷ О состоянии местностей Санктпетербургских в XVI веке // *Восточная литература* [Электронный ресурс]. 1836. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Obysk_knigi_1573/text1.htm (15.12.2021).

¹⁴⁸ Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли ... С. 14.

¹⁴⁹ *Fredstraktat mellan Sverige och Ryssland. Vid Narova nedanför 15 Ivanogorod vid Teusina, 1595, maj 18* // *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. Femte delens förra hälft 1572–1632* / Utg. af O. S. Rydberg, C. Hallendorff. Stockholm, 1903. Vol. 5. S. 79–91.

¹⁵⁰ Мирный договор между Швециею и Россиею, заключенный 10 мая, 1595 г., близ Нарвскаго озера, на стороне Иваньгорода, в Тязвине // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. М., 1868. Апрель — июнь. Кн. 2. С. 2.

¹⁵¹ Там же. С. 9.

Финскому народу, который теперь живет на Корельской (Кексгольмской) земле», и им «не должно препятствовать отсюда переселиться опять в Финляндию»¹⁵². Шведским подданным разрешалось забрать их имущество из Корелы, в том числе «орудия, цейхауз, военные снаряды, порох... и что бы там у них ни было, которые принадлежат к Шведскому Государству»¹⁵³. Обладание крепостью Корела было одним из наиболее принципиальных вопросов для России, и согласие шведов на её возвращение имело решающее значение для успешного завершения переговоров.

Кроме того, подтверждалось обладание Россией другими крепостями, которые были возвращены с помощью оружия на заключительном этапе войны — Ивангород, Ям и Копорье¹⁵⁴. В подтверждающем перечне оказались не только земли, которые изменяли свой статус, но и другие исконные территории России, на которые шведские правящие круги претендовали в «великой восточной программе». В свою очередь, были перечислены те территории, которыми владела Швеция, где, среди прочего, присутствуют: «Нейшлоту [Олафсборг]... со всею Каянскою землею, со всеми местами которая лежат по морскому берегу и в Лапонии»¹⁵⁵. При решении вопроса регулирования сбора дани с саамского населения («лопарей») было указано, что шведы обладают таким правом «с Остроботнии до самага Варанга»¹⁵⁶. В данном случае обозначаются пределы Шведского государства, которые свидетельствуют об изменении государственной границы, что особенно важно в отношении Финляндии, где граница устанавливалась в соответствии с её фактическим — более выгодным для Швеции — положением.

Подготовка к предстоящему размежеванию границы началась ещё до окончания переговоров, о чем свидетельствует послание Клаусу Флемингу от герцога Карла, который уже в марте 1595 года указывал на необходимость поиска людей, обладающих знаниями о старинных рубежах¹⁵⁷. Основная работа по размежеванию границы была завершена в 1597 году, и в сентябре того же года крепость Корела была возвращена России. В свою очередь, на последнем участке — из деревни Реболы (на российской стороне) через Лапландию до Северного Ледовитого океана (до Варангерфьорда) — провести размежевание так и не удалось¹⁵⁸, что произошло из-за разногласий между уполномоченными

¹⁵² Там же. С. 10.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 2.

¹⁵⁵ Там же. С. 3.

¹⁵⁶ Там же. С. 6.

¹⁵⁷ *Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha.* S. 433.

¹⁵⁸ *Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли ...* С. 16.

по проведению границы¹⁵⁹. Времени на их преодоление у ослабленной шведской стороны не было, и она стремилась быстрее закончить работу, чтобы избежать возможных каверз с востока в условиях крестьянского восстания в Финляндии¹⁶⁰.

В течение войны каждой противоборствующей стороне удалось взять в плен весьма большое количество людей, но после её окончания было необходимо решить их дальнейшую судьбу. Одно из положений Тявзинского мирного договора решало возникшую проблему: «все пленные, как Дворяне, так и простые люди... должны быть освобождены, без всякаго выкупа, или обмена, и никого отнюдь не принуждать оставаться, разве они по собственному добровольному согласию, пожелают остаться там, где находятся»¹⁶¹. Обозначенное условие касалось как России, так и Швеции; каждая сторона могла отправить своих представителей для поиска пленных с целью их последующего освобождения¹⁶². На деле ситуация складывалась не так легко, как было обозначено в договоре: если Швеция весьма быстро начала деятельность по возвращению пленников, то Россия задерживалась с полным выполнением данного условия. Шведы и финны, которые вернулись из плена, сообщали о случаях жестокого обращения с ними¹⁶³; об условиях содержания пленных русских какие-либо сведения отсутствуют.

Весьма важное значение имеет положение о том, что «если случится, что воры... сделают вторжение, или нанесут друг другу вред убийством, грабежом, пожаром, или другими худыми делами, то этом мир не должен быть нарушен и не должно из за того начинать войны»¹⁶⁴. В данном случае речь идёт не просто о «ворах», но, скорее, об иррегулярных военных формированиях, которые состояли из жителей приграничных территорий¹⁶⁵. Ранее постоянно случались их столкновения друг с другом из-за нарушений установленной границы, а в военное время борьба между ними происходила на всем протяжении войны. Весьма вероятно, что после её окончания некоторые авантюристы могли продолжить разорительные походы в форме частных предприятий с целью собственного обогащения. Данное положение договора не только ограничивало действия банд, но и предупреждало возможность возобновления межплеменных войн, которые ранее становились поводом к началу военных действий между государствами. В заключённом договоре содержался механизм урегулирования подобных происшествий, что в будущем исключало

¹⁵⁹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 98–99.

¹⁶⁰ Жуков А. Ю. Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 63.

¹⁶¹ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 6.

¹⁶² Там же. С. 6–7.

¹⁶³ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. S. 428–429.

¹⁶⁴ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 7.

¹⁶⁵ Fredstraktat mellan Sverge och Ryssland ... S. 85.

возможность возникновения обозначенных проблем в российско-шведских отношениях.

Одной из наиболее острых проблем в отношениях двух государств накануне войны была существующая дипломатическая практика внешних сношений со Швецией от имени новгородского наместника (с последней трети XVI века — воеводы). Данный «посольский обычай» официально утратил значение именно с заключением Тязвинского мирного договора, в одном из положений которого излагались правила осуществления дипломатических контактов между государствами. В договоре указывалось, что «наш Великий Государь, Король Сигизмунд, будет посылать своих Великих Послов, гонцов и почту к Великому Государю, Царю и Великому Князю, Феодору Иоанновичу, всяя Руси Самодержцу»¹⁶⁶. Данный порядок контактов действовал и в обратную сторону, что свидетельствует об установлении прямых дипломатических отношений между Стокгольмом и Москвой. Собственно, и сам Тязвинский мирный договор был заключён от имени «Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Феодора Иоанновича, всяя Руси Самодержца»¹⁶⁷.

Рассмотренные положения не исчерпывают обширного перечня вопросов, которые регулировались Тязвинским мирным договором, и совсем не затрагивают его крайне важных положений о торговых отношениях¹⁶⁸. Заключённый договор заслуживает отдельного исследования, в котором его содержание следует рассматривать не только в контексте истории отношений России и Швеции, но в рамках истории международных отношений. Внимания заслуживает уже то обстоятельство, что успеху переговоров способствовало посредничество императора Священной Римской империи — Рудольфа II, который был связан родственными узами с женой шведского короля Сигизмунда III — Анной Австрийской. Заключение брака (1592 г.) стало причиной напряжённости в отношениях с Россией, и император стремился восстановить её доверие с целью последующего вовлечения в союз, направленный против Османской империи¹⁶⁹. Действия Эренфрида фон Минквица — посланника Рудольфа II — сыграли важную роль в достижении мира между Россией и Швецией, но имели более глубокий смысл, чем только решение конфликта двух государств.

В данном случае обращается внимание на те составляющие Тязвинского мирного договора, которые оказали значительное влияние на последующее развитие Финляндии, в том числе проблемы, которые ранее становились поводом к началу

¹⁶⁶ Мирный договор между Швециею и Россиею ... С. 7.

¹⁶⁷ Там же. С. 1.

¹⁶⁸ *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения ... С. 25–27.

¹⁶⁹ *Tawaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. S. 415–416.

русско-шведских войн. Урегулирование конфликтных вопросов в отношениях двух государств могло иметь благоприятные последствия для Финляндии как территории их столкновения, но значение данного фактора так и осталось «на бумаге» в условиях активизации завоевательной политики Швеции. В свою очередь, для России договор не был выгодным, и некоторые историки определяют его заключение как грубый просчёт российских дипломатов¹⁷⁰ или даже предпочитают не вспоминать о его существовании. Вероятно, что в сложившейся ситуации отсутствовала возможность добиться большего посредством переговоров, а в случае возобновления военных действий возникала опасность затяжной войны с непредсказуемым исходом. Последующее изменение обстановки открыло новые возможности, и тогда Борис Годунов воспользовался ситуацией с формальной неопределённостью в вопросе о власти в Швеции и отказал герцогу Карлу в ратификации договора¹⁷¹.

Анализ вышесказанного позволяет сделать вывод о том, что военные действия в Финляндии во время Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.) имели два этапа, точкой раздела между которыми стало провозглашение «великой восточной программы» (1580 г.) — программы шведских территориальных захватов за счёт России. Если на первом этапе (1570–1580 гг.) в условиях отсутствия конкретных целей военные действия в Финляндии имели разрозненный характер и преследовали, скорее, цель отвлечения внимания противника от действий в Прибалтике, то на втором этапе (1580–1595 гг.) они приобрели основательный и вполне самостоятельный характер. Произшедшая война оказала значительное влияние на последующее развитие противоборствующих государств, особенно их составных частей — Финляндии и всего Русского Севера. Более того, рассмотренные события не ограничиваются историей XVI века, и уже память о войне сыграла важную роль в конструировании финской идентичности. Исторический опыт многочисленных русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода *Pitkä viha*, был использован в процессе формирования финской нации и стал одним из элементов образа «Другого».

Образ периода *Pitkä viha* в исторической памяти финнов

Двадцатипятилетняя русско-шведская война (1570–1595 гг.) стала первым крупным конфликтом на территории Финляндии в XVI веке. Представители старшего поколения финнов ещё знали относительно спокойную жизнь предшествующего времени, и они были вынуждены приспособиться к новым

¹⁷⁰ Широкопад А. Б. Швеция. Гроза с Балтики. М., 2008. С. 59.

¹⁷¹ Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли ... С. 16.

условиям, смириться с утратой своего прежнего мира¹⁷². Соответственно, в их памяти война оставила особенно глубокие раны как событие, которое полностью изменило их жизнь. Данное обстоятельство могло стать причиной, по которой отрывки действительных воспоминаний об этом трагическом времени (не образ) сохранились в народной среде вплоть до XIX века¹⁷³. На их основе профессиональные историки и национальные писатели создали образ, который сыграл важную роль в процессе формирования финской нации, а коммеморативные практики 1920–1940-х годов способствовали его утверждению.

Арттури Хейкки Снельман (Вирккунен) одним из первых в финляндской историографии обратил внимание на Двадцатипятилетнюю русско-шведскую войну как период *Vanha viha* (дословно «Старая ненависть»)¹⁷⁴, что было не его изобретением, а развитием уже существующих представлений финского народа о своём прошлом. Первые упоминания появились в 1880-х годах¹⁷⁵, и они получили развитие в его работах начала XX века¹⁷⁶. Даже с появлением названия — концептуальной основы — не произошло значительных изменений: его использование долгое время было исключительным случаем. Вплоть до 1920-х годов финские историки (в том числе Ирвё Сакари Ирвё-Коскинен) воспроизводили «шведскую» точку зрения на рассматриваемые события. Ситуация изменилась только с появлением фундаментального двухтомника Вернера Тавастшерна¹⁷⁷, который начал конструирование финской точки зрения на события Двадцатипятилетней русско-шведской войны, но и в его трудах присутствует «шведское» влияние предшественников.

Если обратиться к классическим работам И. С. Ирвё-Коскинена по истории Финляндии¹⁷⁸, то можно представить характеристику того, что подразумевается под «шведской» точкой зрения. В коротком повествовании о событиях продолжительной русско-шведской войны Финляндия помещалась исключительно в положение объекта, который находился в полной зависимости от политики Стокгольма. Событийная история рассматривалась в контексте развития всего Шведского государства, но подчёркивалось, что его общие устремления не всегда совпадали с действительными интересами отдельных частей. И. С. Ирвё-Коскинен указывал на

¹⁷² *Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland. P. 129.

¹⁷³ *Snellman A. H.* Oulun kihlakunta: muinaistieteellisiä ja historiallisia lehtiä. Helsinki, 1887. S. 180.

¹⁷⁴ В настоящее время название *Vanha viha* используется как обозначение другой — более ранней — русско-шведской войны (1495–1497 гг.).

¹⁷⁵ *Snellman A. H.* Oulun kihlakunta ... S. 180.

¹⁷⁶ *Virkkunen A. H.* Vanhan vihan aika ja Nuijasota (Kainuunmaan oloista 1500–luvun lopulla) // *Oma maa*. 1907. Vol. 1. S. 686–697.

¹⁷⁷ *Tavaststjerna W.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika; *Idem.* Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: Sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha.

¹⁷⁸ *Yrjö-Koskinen Y. J.* Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 135–148.; *Idem.* Suomen kansan historia. Helsinki, 1881. S. 158–172.

тяжёлую участь финского крестьянства, что объяснялось не только происходящей войной, но и более глубокими социальными причинами¹⁷⁹. Соответственно, война с Россией не образовывала единой связи с внутренним состоянием Финляндии, скорее, она воспринималась как пролог к другому — более значимому — событию её истории, которым стала «Дубинная война» (*Nuijasota*).

На данном этапе развития финляндской историографии рассматриваемая русско-шведская война изначально не приобрела статуса решающего события для Финляндии. Она была «чужим» сражением для финнов, и борьба с внешним врагом оказалась не главным сюжетом данного исторического отрезка. Крестьянское восстание конца XVI века — «Дубинная война» — оказалось более важным событием для потомков, и современные финские историки отмечают его символическое значение¹⁸⁰. Дело в том, что именно финны выступили активной движущей силой в данном событии, а не стандартные акторы истории Финляндии — Россия и Швеция¹⁸¹, что характерно для периода *Pitkä viha*. Только в последующем — с началом конструирования действительной финской точки зрения на рассматриваемые события — финский народ как самостоятельное действующее лицо будет постепенно занимать более важное место в повествовании о русско-шведской войне. В свою очередь, направление для развития данного сюжета было обозначено уже в трудах И. С. Ирjö-Коскинена, который одним из первых обратил внимание на действия лидеров финских партизан — Туомаса Теппойнена¹⁸² и Пекки Весайнена (Юхо Весайнена)¹⁸³.

Подобная интерпретация тех событий представлена в работах других историков на данном этапе развития финляндской историографии, например, Карла Улофа Линдеквиста, который после обретения Финляндией независимости создал первую обобщающую работу по её истории¹⁸⁴. Обращение к данному примеру не является случайным, потому что тема его диссертации посвящена исследованию периода *Isoviha*¹⁸⁵, который занимает важное место в последующих работах историка¹⁸⁶. Его труды сыграли важную роль в процессе конструирования образа периода *Isoviha*: К. У. Линдеквист обозначил его как одно из наиболее важных событий в истории Финляндии и раскрыл содержание данного периода с использованием чувственных оттенков¹⁸⁷, чем актуализировал «существующую»

¹⁷⁹ *Idem*. Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 140–141.

¹⁸⁰ *Katajala K.* Miksi nuijasota syttyi Pohjanmaalla? // *Tieteessä tapahtuu*. 2003. № 21 (3). S. 12.

¹⁸¹ *Жербин А. С., Шскольский И. П.* Крестьянская война в Финляндии ... С. 76.

¹⁸² *Yrjö-Koskinen Y. S.* Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 138.

¹⁸³ *Ibid.* S. 145–147.

¹⁸⁴ *Tommila P.* Suomen historian kirjoitus: tutkimuksen historia. Porvoo; Helsinki; Juva, 1989. S. 195.

¹⁸⁵ *Lindeqvist K. O.* Suomen oloista ison vihan aikana: Akatemiallinen väitöskirja. Helsinki, 1886.

¹⁸⁶ *Idem.* Suomen historia. Porvoo, 1926.

¹⁸⁷ *Ibid.* S. 339.

эмоциональную связь с современным ему временем. В свою очередь, аналогичные действия вовсе не коснулись более ранней русско-шведской войны — периода *Pitkä viha*, который представляется как рутинное событие обезличенного прошлого.

Соответственно, на данном этапе развития финляндской историографии о периоде *Pitkä viha* исследования имели нейтральное значение по отношению к процессу формирования идентичности. Финские историки даже не обозначили собственного — национального — названия русско-шведской войны, а использовали только общие характеристики: например, *hävitysota* (разрушительная война)¹⁸⁸, *pitkällinen sota* (продолжительная война)¹⁸⁹. Тем не менее они заложили фундамент для национальных писателей, которые на основе их работ и с привлечением фольклорного материала сконструировали героический образ финских партизан, а также обратили внимание на произошедшие трагические события на территории Финляндии. В этом деле особенно важной оказалась роль И. С. Ирjö-Коскинена, которого заслуженно называют основателем национальной исторической науки в Финляндии¹⁹⁰. Более того, если функциональность бесчисленного количества элементов образа «Другого» — Текста (интертекста) — определяется культурным кодом «читателя», то в моменты актуализации «русской угрозы» даже ранее нейтральный образ периода *Pitkä viha* приобретал особый смысл для финнов.

Только в 1920–1930-х годах название *Vanha viha* и соответствующая ему характеристика русско-шведской войны получили широкое распространение в финляндской историографии, а также появилось другое — более известное в настоящее время — *Pitkä viha*, или *Pitkäviha* (дословно «Долгая ненависть»). Тогда же стало использоваться ещё одно название произошедшей войны — *rappasota*, которое происходит от обозначения карельских иррегулярных формирований (*rappari* — грабитель, насильник, разрушитель). Название *rappasota* не было изобретением историков, но они развили его на основе существующего воспоминания: именно так называли Двадцатипятилетнюю русско-шведскую войну во многих частях Восточной Финляндии и Похьянмаа, что служило отражением варварского способа ведения военных действий карельскими партизанами¹⁹¹. Именно в межвоенный период предпринимаются первые настоящие попытки представить финскую точку зрения на данные события, но в то время влияние политической ситуации на сочинения историков было чрезмерным.

¹⁸⁸ *Yrjö-Koskinen Y. S.* Oppikirja Suomen kansan historiasta. S. 137.

¹⁸⁹ *Lindeqvist K. O.* Suomen historia. S. 201.

¹⁹⁰ *Sainio B.* Георг Захарнас Юрьё-Коскинен // Сто замечательных финнов [Электронный ресурс]. 2004. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (15.12.2021).

¹⁹¹ *Karonen P.* Pohjoinen suurvalta. S. 128.

После обретения Финляндией независимости усилился конфронтационный вектор развития в отношениях с её восточным соседом, и тогда появилась идея, что ненависть сможет придать дополнительные силы финнам, когда возникнет «угроза нападения с мерзкого Востока»¹⁹². Решающую роль в генезисе обозначенной идеи сыграл травмирующий опыт Гражданской войны (или Освободительной войны), а постоянно нараставшее ощущение внешней угрозы в межвоенный период только способствовало её развитию. Общественно-политические условия предопределили радикализацию взглядов в освещении событий русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода *Pitkä viha*. Данное обстоятельство в наибольшей степени проявилось в военное время, когда потребовалось подчеркнуть «русскую угрозу» и её существование на всем протяжении истории Финляндии. Если финские историки второй половины XIX — начала XX веков обозначали, как правило, только периоды *Isoviha* и *Pikkuviha*, то в работе Ялмари Яккола (Яккола) появился более широкий перечень *vihat*, куда — в дополнение к обозначенным — был добавлен ещё период *Vanha viha*¹⁹³.

Я. Яккола отмечал, что в существующих работах по истории Финляндии некоторые события, особенно периода Средних веков и раннего Нового времени, ещё имеют следы «шведской» точки зрения. В своих трудах он стремился устранить данный недостаток, который не соответствовал статусу независимого государства¹⁹⁴. Одним из таких событий был период *Vanha viha*, но данный сюжет не получил подробного изложения в его работе. В свою очередь, можно заметить, что данная русско-шведская война была признана «своей», где указывалось на решающее значение действий финнов в общих успехах государства Швеция-Финляндия на том историческом отрезке¹⁹⁵. В военное время появились и другие работы пропагандистского характера, посвящённые многовековой борьбе финнов против их восточного соседа¹⁹⁶, но период *Pitkä viha* (*Vanha viha*) никогда не был предметом прямых манипуляций со стороны историков.

Наблюдается проявление историографии как продукта социальных групп, который всегда находится во власти своего времени, интересов пишущего и заказчика¹⁹⁷. Исторический опыт периода *Pitkä viha* получил символическое

¹⁹² Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе / Пер. А. И. Рупасова. СПб., 2017. С. 147–148.

¹⁹³ Jaakkola J. Suomen idänkysymys. Porvoo; Helsinki, 1942. S. 11.

¹⁹⁴ Tommila P. Suomen historiankirjoitus ... S. 186.

¹⁹⁵ Jaakkola J. Suomen idänkysymys. S. 21–22.

¹⁹⁶ Jaakkola J. Suomen historian ääriäivät. Porvoo; Helsinki, 1945; Juva E. W. Suomen taistelu itää vastaan. Helsinki, 1942.

¹⁹⁷ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 18.

значение и стал частью мифа — обосновывающей истории¹⁹⁸, которая может передаваться из поколения в поколение. Протяжённость цепочки зависит от востребованности рассказа: его соответствия целям сообщества и представлениям о себе¹⁹⁹. Финские историки обозначили период *Pitkä viha* как особенное событие прошлого, а их исследования стали одним из инструментов формирования национального мифа. В свою очередь, миф — это не искажение прошлого, а культурная конструкция — взгляд на историческое событие через призму идентичности, когда происходит повышено-эмоциональное усвоение собственной истории²⁰⁰. В таком случае из обращения к событиям прошлого извлекаются элементы представлений о сегодняшнем дне, происходит их актуализация и инструментализация ради потребностей настоящего²⁰¹.

Поражение Финляндии во Второй мировой войне оказало значительное влияние на содержание национального нарратива, что стало причиной изменения образа «Другого». Символы с компонентами «ненависти» (*viha*) были подвергнуты забвению, а свойство амбивалентности идентичности²⁰² стало причиной актуализации других — прямо противоположных. Ещё одной — не менее важной — причиной произошедших изменений стало распространённое скептическое отношение к идее национального спасения, которая состояла в «ненависти к русью» (*Ryssäviha*)²⁰³. Таким образом, память о русско-шведских войнах потеряла символическое значение для финнов, что нашло отражение в освещении событий периода *Pitkä viha*. Особенно заметны произошедшие изменения в трудах профессиональных историков, и в отношении рассматриваемого периода *Pitkä viha* Хейкки Киркинен одним из первых обратил внимание на сложность ситуации.

Если труд В. Тавастшерны был первым специальным исследованием по истории периода *Pitkä viha* — первым шагом в конструировании финской точки зрения, то работа Х. Киркинена стала логичным окончанием проделанного пути. Он значительно дополнил достижения предшественников посредством включения в повествование российского взгляда на события периода *Pitkä viha*²⁰⁴. Произошедшие изменения весьма заметны: например, Х. Киркинен впервые обратил внимание на то, что обе стороны не уступали друг другу в проявлениях

¹⁹⁸ Асман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 80.

¹⁹⁹ Асман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 38.

²⁰⁰ Там же. С. 39.

²⁰¹ Асман Я. Культурная память ... С. 83.

²⁰² Нойманн П. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 153.

²⁰³ Вихавайнен Т. Столетия соседства ... С. 152.

²⁰⁴ Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia III. Suomenlahdelta Laatokalle. Lappeenranta, 2010. S. 166.

жестокости, а разрушения приграничной территории России были даже более масштабными, чем в Финляндии²⁰⁵. Более того, указывалось, что оценка карельских партизан — «преступников» — не должна быть так однозначна, и их действия имели вполне разумные основания²⁰⁶, как и то, что превращение финских партизан — в частности, Пекки Весайнена — в национальных героев, которые стали предметом чрезмерного восхищения, не должно стать поводом оценивать их поступки только в положительных тонах. Х. Киркинен даже оставил «личный комментарий» об отношении к партизанским лидерам, где подчеркнул, что они не заслуживают восхищения²⁰⁷. Таким образом, сомнению были подвергнуты прежние символические элементы периода *Pitkä viha*, что наиболее чётко свидетельствует о произошедших изменениях в национальном нарративе. Важно учитывать, что в обозначенных примерах Х. Киркинен использует особый приём в утверждении тезисов, когда не просто декларирует свою точку зрения, но призывает других исследователей признать её тождественность действительным обстоятельствам войны.

В исторических исследованиях конца XX века обозначилась тенденция обращать внимание не только на события прошлого, но также на их роль в событиях настоящего, что происходит, как правило, в контексте проблем восприятия народами друг друга, значения формируемых образов прошлого на окружающую действительность и её обратного влияния на их содержание. Наступление времени рефлексии позволяет выделить следующий этап в развитии финляндской историографии, что в отношении периода *Pitkä viha* — прямо или косвенно — обнаруживается в достаточно большом количестве современных работ. Кари Таркиайнен²⁰⁸, Матти Сармела²⁰⁹, Матти Энбуске²¹⁰, коллектив авторов третьего тома «Истории Выборгского лена» (Киммо Катаяла, Антти Куяла, Ансси Мякинен)²¹¹ — это только небольшой, но репрезентативный перечень. Подходы историков менялись с развитием методологического аппарата научных исследований: если изначально анализ «существующей» в Финляндии ненависти к русским происходил на основе поисков её действительных оснований в прошлом, то с течением времени внимание переместилось на способы повествования о прошлом, его образы. Соответственно, было начато изучение традиции,

²⁰⁵ *Kirkinen H.* Karjala taistelulentänä ... S. 136.

²⁰⁶ *Ibid.* S. 142.

²⁰⁷ *Ibid.* S. 183.

²⁰⁸ *Tarkiainen K.* Se vanha vainooja: käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170169> (15.12.2021).

²⁰⁹ *Sarmela M.* Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurin kartasto 2. Helsinki, 2007. S. 443–444.

²¹⁰ *Enbuske M.* Pekka Vesaisen historia: myyttinen sissipäällikkö, kovaluonteinen talonpoika 1500-luvulta // *Faravid*. 2013. № 37. S. 35–57.

²¹¹ *Katajala K., Kujala A., Mäkinen A.* Viipurin läänin historia III ... S. 166.

что свидетельствует об отсутствии способности однозначно распознать её носителей²¹². Если их предшественник — Х. Киркинен — «боролся» за признание новой интерпретации тех событий, то в настоящее время сам образ периода *Pitkä viha* как части финской идентичности уже не является актуальным для современников.

В свою очередь, появление данного направления в исследованиях о периоде *Pitkä viha* не означает, что события самой войны перестали интересовать историков. В настоящее время появляются работы, посвящённые отдельным сюжетам, но большие нарративы с представлением новой интерпретации событий периода *Pitkä viha* отсутствуют уже весьма продолжительное время. Более того, происходит постепенное исчезновение периода *Pitkä viha* из обобщающих трудов по истории Финляндии, где уже часто встречаются только краткие упоминания, но не анализ произошедших событий²¹³. Данная тенденция наблюдается и в отношении других русско-шведских войн, которые теряют своё значение на фоне исключительно «финских» событий истории. Следует отметить, что забвение события является не менее важным проявлением политики памяти, чем его актуализация²¹⁴.

Забвение — это собирательное понятие, и в случае периода *Pitkä viha* наблюдаются его разные проявления. В определённом смысле забвение данного события произошло вскоре после поражения Финляндии во Второй мировой войне. В работе Х. Киркинена отмечается «отрицание» как одна из форм забвения, когда событие ещё сохраняется в памяти социальной группы, но приобретает негативное значение. Данное обстоятельство подтверждается стремлением Х. Киркинена оспорить интерпретацию предшественников, которые обозначили финских партизан как национальных героев, а военные события рассматривали исключительно как трагедию только с одной стороны границы. Текущей формой забвения периода *Pitkä viha* стала «нейтрализация» — понижение значимости события, что сопряжено с существенным изменением интерпретативных и ценностных рамок, которые утверждают победу новых взглядов в обществе. В таком случае прежние символы прошлого утрачивают функциональное значение как актуальные феномены настоящего; происходит их историзация, что и означает начало изучения традиции (М. Энбуске и др.)²¹⁵.

Таким образом, в финляндской историографии о периоде *Pitkä viha* прослеживается, по крайней мере, три основных этапа её развития. Первый этап обозначается как «шведский» (вторая половина XIX века — 1917 год), который

²¹² Франция-память. СПб., 1999. С. 23.

²¹³ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 35–36.; Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2017. С. 32–33.

²¹⁴ Миллер А. П. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 7.

²¹⁵ Асман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019. С. 19–24.

характеризуется не отсутствием Финляндии в повествовании, но в акцентах на значении события. Финские историки не признали данную русско-шведскую войну частью «своей» истории, где борьба с внешним врагом имела решающее значение для финнов; она интерпретировалась как «чужое» сражение. Только после обретения Финляндией независимости события столь отдалённого прошлого начали рассматриваться с финской точки зрения, что стало началом нового этапа в развитии историографии о периоде *Pitkää viha*, который обозначается как конструктивистский «финский» период (1918 год — 1944 год — вторая половина XX века). Работы предшественников первоначально оказывали важное влияние, но постепенно более значительным фактором стала общественно-политическая ситуация. В течение конструктивистского «финского» периода появилось сразу несколько «финских» интерпретаций произошедшей русско-шведской войны — и нейтральная, и представление как части национального мифа, и отрицание такого значения; их появление было связано с политическими перипетиями истории Финляндии. В свою очередь, в настоящее время обозначилась тенденция обращать внимание не только на события прошлого, но также на их роль в событиях настоящего, на способы повествования о них. Данное обстоятельство позволяет выделить ещё один этап в развитии историографии о периоде *Pitkää viha* — постконструктивистский «финский» период (с конца XX века). Основным критерием классификации стало отношение к формированию национальной идентичности помнящей группы — финнов, но представленные хронологические границы следует считать условными. В обозначенной периодизации практически не происходило резких разрывов между отдельными этапами, а наблюдается континуитет в развитии историографии.

Вновь обратимся к событиям конца XIX — первой половины XX веков, когда переход финской нации к этапу политической борьбы предопределил необходимость вовлечения широких масс в национальное движение. Если профессиональные историки выступили в роли инженеров-конструкторов нарратива, то усилиями национальных писателей широкие массы оказались «приглашены в историю», что произошло с помощью исторического романа — одной из форм репрезентирования того вида воображаемого сообщества, которым является нация²¹⁶. В момент начала решающей борьбы финны не остались безучастными, потому что идентифицировали себя с определённой нацией и оказались готовы защищать её интересы. Обозначенный национальными писателями исторический опыт общего прошлого получил символическое значение, а его функциональной задачей стала передача ценностей, которые

²¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 46.

определяли специфику идентификации и поведенческие нормы²¹⁷. Таким образом, важно обратить внимание на содержание сформированных в финляндской художественной литературе образов прошлого и определить их значение.

Одной из наиболее важных особенностей финляндской художественной литературы второй половины XIX — начала XX веков стал особый интерес к событиям национальной истории, в которых обнаруживается историческая инициатива народа, стремление изменить его угнетённое положение²¹⁸. В данном контексте писатели обратились к событиям русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе к периоду *Pitkä viha*. Исторический опыт оказался оформлен миллионами печатных слов, а с течением времени из них сформировалась определённая модель²¹⁹, которая должна была воспроизводиться в моменты её актуализации. В отношении рассматриваемого периода *Pitkä viha* наиболее интересным представляется литературное наследие Сантери Ивало (*Santeri Ivalo*) и Кюэсти Вилкуну (*Kyösti Wilkuna*). Их произведения оказали значительное влияние на представления финнов о собственном прошлом.

Сантери Ивало (Ингман) (1866–1937 гг.) придерживался младофинских политических взглядов и выступил одним из основателей партийной газеты «Пяйвялехти» (*Päivälehti*) (1889–1904 гг.), в которой работал на всем протяжении её существования и некоторое время занимал должность главного редактора (1901–1904 гг.). Его крайне интересовала общественно-политическая деятельность, и он неоднократно избирался в городской совет Хельсинки, а также в течение одного срока (1904–1906 гг.) был представителем младофинской партии в финляндском сейме. Путь писателя С. Ивало начал с реалистичных сюжетов студенческой жизни Хельсинки и тех радикальных идей, которые были распространены в той среде. Впоследствии он обратился к течению неоромантизма, в рамках которого написал целую серию произведений о драматических и поворотных событиях истории Финляндии. Важным образцом для начинающего писателя стало творчество Сакари Топелиуса, особенно его наиболее известные «Рассказы фельдшера»²²⁰.

Фигура С. Ивало в истории финляндской художественной литературы крайне важна, потому что он является основателем исторического романа на финском языке. В свою очередь, процесс написания работ проходил весьма быстро, и критики отмечали отсутствие оригинальности и языковое однообразие в его произведениях, которые часто имели большее отношение к исторической,

²¹⁷ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти ... С. 17.

²¹⁸ Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Л., 1979. С. 216.

²¹⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества ... С. 103.

²²⁰ Kalemaa K. Ivalo, Santeri // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2004. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-002819> (15.12.2021).

а не художественной литературе. Подчёркивали, что С. Ивало интересовали не чувства героев, а их действия, но в описании исторических событий он часто допускал умышленные искажения²²¹. Тем не менее основное значение его работ состоит не в их художественных изысках или фактической точности, а в формировании финского национального идентитета.

Первым историческим романом С. Ивало стал «Юхо Весайнен»²²² (1894 г.), который получил всеобщее признание и имел коммерческий успех. В последующем автор переработал его и представил в виде пьесы в четырёх действиях²²³. Обращение к данному сюжету не было случайным, потому что первая диссертация С. Ивало была посвящена истории северной Финляндии в 1595–1635 годах²²⁴, а вторая — арктической политике Карла IX²²⁵. Данное обстоятельство свидетельствует о его основательных знаниях истории Финляндии конца XVI века, которые использовались в процессе написания исторического романа, где были подчёркнуты особенно важные для финнов элементы прошлого. Одним из них является история Пекки Весайнена (Юхо Весайнена) — финского партизана, который возглавил поход в «Кандалашскую волость» в июне 1589 года, а по сведениям легендарного характера²²⁶, возможно, принимал участие ещё и в нападении на Печенгский монастырь в декабре того же года²²⁷. Данные походы были частью ожесточённой партизанской борьбы, которая продолжалась на всем протяжении русско-шведской войны.

Исторический роман С. Ивало является развёрнутым описанием борьбы между беломорскими карелами и финнами из Похьянмаа. В произошедших опустошительных походах трудно найти положительные моменты, но автору, отчасти, удалось решить данную проблему. В повествовании обращается внимание на то, что финны постепенно отказались от прежних воинственных настроений в пользу более мирной жизни, но внезапное нападение карельских партизан стало поводом для возобновления борьбы на почве мести. Личная трагедия Юхо Весайнена — убийство отца, который завещал совершить «возмездие» — сподвигла его на совершение «июньского» похода 1589 года. В соответствии с историческими

²²¹ Ibid.

²²² Ivalo S. Juho Vesainen // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1894. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/44207/pg44207.html> (15.12.2021).

²²³ Ivalo S. Juho Vesainen: 4-näytöksinen näytelmä. Porvoo, 1923.

²²⁴ Ingman S. Tutkimuksia Pohjoissuomen historiassa vuosilta 1595–1635: Akatemiallinen väitöskirja. Helsinki, 1890.

²²⁵ Ingman S. Kaarlo IX:n Jäämerenpolitiikka: Akatemiallinen väitöskirja. Helsinki, 1894.

²²⁶ Virrankoski P. Vesainen, Pekka // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-000435> (15.12.2021).

²²⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 229–230.; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. М., 1981. С. 241–242.; Новикова О. А. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 254.

источниками, однако, данный поход был первым в череде взаимных нападений противостоящих сторон. В свою очередь, по замыслу автора финны стали жертвой нападения, которое сопровождалось крупными разрушениями и гибелью мирных жителей, что указывало на справедливый характер «ответного похода» Юхо Весайнена. Финский партизан представляется «храбрым и сообразительным лидером» — истинным защитником, потому что его поход был не только мстью, но и способом предотвратить будущие вторжения²²⁸. Таким образом, уже обозначаются истоки дихотомии «наши славные воины (финские партизаны) — их преступники и грабители (карельские партизаны)», акцентируется внимание на жестоких событиях того времени (*vihha*), что станет важной частью масштабного образа агрессивного соседа на востоке.

Совместное произведение С. Ивало и К. Вилкуны «Финские герои I–II», которое было опубликовано в двух частях (1915 г., 1921 г.)²²⁹, представляет наиболее репрезентативный ряд тех личностей, которые были обозначены в первой половине XX века — и не без влияния событий того времени — частью героического прошлого финнов, и партизанские представители занимают весьма заметное место. Авторы прямо указывали на своё стремление показать примеры для подражания (=образцы для идентификации): герои прошлого не сдавались даже в моменты, когда национальное существование оказывалось под угрозой, а их потомки не должны сдаваться «сейчас», должны быть готовы пожертвовать собой ради благополучия Родины²³⁰. Сформированные образы имели особый смысл в контексте наступления на автономию Великого княжества Финляндского, в последующей борьбе финнов за достижение независимости и её защите. Данное обстоятельство понимали и сами национальные писатели, которые осознанно использовали творчество как орудие борьбы против России.

Кюэсти Вилкуна (1879–1922 гг.) не только стремился сформировать боевой дух в характере финской молодёжи, но и сам был активным участником борьбы. Он имел прямое отношение к егерскому движению, в рамках которого занимался вербовкой новых участников для их отправки в Германию с целью получения военной подготовки на тот случай, если в результате Первой мировой войны появится возможность вернуть автономию Финляндии или отделить её от России²³¹. В 1916 году из-за данной деятельности К. Вилкуна был заключён в Шпалерную

²²⁸ Ivalo S., Juho Vesainen.

²²⁹ Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1917. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56193/pg56193.html> (15.12.2021).; Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1921. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/56194/pg56194.html> (15.12.2021).

²³⁰ Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I.

²³¹ Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 117.

тюрьму в Петрограде, где находился восемь месяцев — до Февральской революции, произошедшей в России. После освобождения он сражался на стороне белых в Гражданской войне 1918 года в Финляндии, затем принимал участие в Олонецком походе²³². После обозначенных событий ему не удалось вернуться к мирной жизни: разочарование в произошедших политических изменениях, творческие неудачи, тяжёлое материальное положение, а также другие проблемы личного характера привели к печальному исходу. К. Вилкуна застрелился у себя дома в Лапуа 12 декабря 1922 года²³³.

Его литературное наследие — важный исторический источник по истории Финляндии начала XX века, где особый интерес представляют не только художественные произведения, но и его воспоминания о поворотных событиях жизни²³⁴. Сочинения писателя отличаются лёгкостью повествования, что связано с его профессиональной деятельностью. В начале своего пути К. Вилкуна некоторое время работал в газетах на разных должностях — от рядового сотрудника до редактора. Соответственно, его первые художественные работы были уже весьма зрелыми произведениями, которые встретили положительную реакцию²³⁵. Наибольшую известность получил исторический роман «Приключения Тапани Лёвинга I–II» (1911 г., 1912 г.)²³⁶, который повествует об одном из финских партизан периода *Isoviha*. В отношении рассматриваемой русско-шведской войны — периода *Pitkä viha* — необходимо обратить внимание на созданный К. Вилкуной образ Туомаса Теппойнена, который оказался увековечен на страницах «Финских героев»²³⁷.

Туомас Теппойнен был одним из наиболее известных представителей группы кнапов (кнехтов) — крестьян, которые освобождались от уплаты налогов за вспомогательные действия в ходе войны²³⁸. Он был родом из деревни Валкеаматка (совр. Светлое) на Карельском перешейке, но уже в начале войны — в 1571 году — русская армия сожгла его дом в одном из первых разорительных походов на территорию Финляндии, что стало причиной активного включения в партизанскую борьбу. Его знание географических особенностей Ингерманландии пригодилось в разведывательной деятельности, а успешное выполнение поставленных заданий

²³² Herlin I. Wilkuna, Kyösti // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sk:skg-004487> (15.12.2021).

²³³ Railo E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä // Projekt Lönnrot [Электронный ресурс]. 1930. URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip> (15.12.2021).

²³⁴ Wilkuna K. Kahdeksan kuukautta Shpalernajassa // Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1918. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/37026/pg37026.html> (15.12.2021); *Idem*. Kun kansa nousee: muistelmia ja kokemuksia Suomen vapaussodasta. Helsinki, 1918. 312 s.

²³⁵ Herlin I. Wilkuna, Kyösti.

²³⁶ Wilkuna K. Tapani Löfvingin seikkailut I–II // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1918. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13171/pg13171.html> (15.12.2021).

²³⁷ Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I.

²³⁸ Каржинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. С. 76.

позволило уже в 1573 году получить пожизненное освобождение от уплаты налогов. Затем — в 1576 году — из крестьян был сформирован кавалерийский отряд, который возглавил Туомас Теппойнен. В 1578 году они получили собственный флаг (красный, синий, жёлтый). Численность отряда составляла примерно 100 человек, но она не была постоянной и в конце войны — в 1594 году — даже достигала 390 человек. Они занимались обороной Финляндии, участвовали в разорительных походах на территорию России, а также действовали совместно с частями регулярной шведской армии, например, помогали Понтусу Делагарди во время взятия Корелы (1580 г.) и неудачной осады Орешка (1582 г.)²³⁹. Сущность деятельности Туомаса Теппойнена практически не отличалась от занятий финских партизан, но он действовал в соответствии с получаемыми приказами, которые, впрочем, соответствовали его желанию защищать Финляндию.

В рассказе К. Вилкуны о Туомасе Теппойнене подчёркивается разрушительность и бессмысленность происходящей войны, а разорительные походы — как русской регулярной армии, так и карельских иррегулярных формирований (используется слово «*rappati*») — представляются её основным содержанием в отношении Финляндии. Акцентируется внимание на подробностях содержания ужасов войны, которые стали причиной всеобщего страха из-за постоянного ощущения внешней угрозы, но финны не сдавались в то страшное время, когда «снова и снова дома возрождались из пепла, а их снова и снова сравнивали с землей»²⁴⁰. Трагические события войны образовывали тот самый компонент злости (гнева) — *viha*, и его актуализация обеспечивала прочные эмоциональные основы нации. Сохранение в исторической памяти народа информации о преодолении им трудных времён — это один из ключевых факторов его единения в настоящем. Данное обстоятельство заметил ещё Эрнест Ренан, который утверждал, что страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех²⁴¹.

В ситуации, когда шведская регулярная армия была не в силах защитить гражданское население, на первый план повествования выходят действия храбрых финнов, которые вступили в борьбу с целью обороны собственных поселений. «Спокойный, уверенный и сильный» крестьянин Туомас Теппойнен уже одним присутствием внушал чувство безопасности окружающим людям. Он обладал не только желанием защищать Финляндию, но и необходимыми навыками военного искусства, а также знаниями русского языка и географических особенностей приграничных территорий. Когда шведской регулярной армии потребовался

²³⁹ *Virrankoski P.* Teppoinen, Tuomas.

²⁴⁰ *Ivalo S., Wilkuna K.* Suomalaisia sankareita I.

²⁴¹ *Асман А.* Длинная тень прошлого ... С. 41.

разведчик, то лучшим кандидатом оказался именно Туомас Теппойнен. Последующий «карьерный рост» до главы кавалерийского отряда не стал поводом для чрезмерного восхищения собой и развития нарциссизма, потому что защитника финнов больше беспокоили практические вопросы новых возможностей его деятельности. Автор называет его одним из наиболее уважаемых людей военного времени в Финляндии, который получил широкую известность и за её пределами, в том числе среди врагов, которые одновременно и боялись его, и стремились расправиться с ним. Когда Финляндия — за заслуги финнов — получила статус Великого княжества, то в народной среде быстро распространился слух о том, что Туомас Теппойнен займёт место Великого князя, а его репутация была настолько безупречной, что ни у кого не возникло сомнений²⁴². Таким образом, К. Вилкуна крайне высоко оценил деятельность Туомаса Теппойнена, которого обозначил как одного из наиболее важных представителей героического прошлого финского народа.

Национальные писатели были сосредоточены на заслугах партизан в военных событиях и их действия характеризовали только в положительных тонах. Подчёркивалось, что их вступление в борьбу — собственная инициатива. Они не стали безропотно ожидать помощи шведской регулярной армии, а решили самостоятельно бороться за своё благополучие. Сформированный образ финских партизан демонстрировал пример — образец для идентификации — для читателей, которые должны были составить представление об исторических героях своей нации и их лучших качествах, чтобы следовать данному примеру уже в собственной борьбе. Таким образом, художественная литература сыграла важную роль в осознании финнами себя как единой и самостоятельной нации, независимой от других и имеющей своих национальных героев. Ценностно-смысловые ориентиры, обозначенные в работах национальных писателей, помогли финнам в борьбе за собственную независимость.

Избранные произведения финляндской художественной литературы о периоде *Pitkä viha* являются наиболее репрезентативными для исследования содержания сформированного образа и определения его значения, но они не исчерпывают крайне обширного перечня. Например, в творчестве Юлиуса Крона присутствуют некоторые детали похода Пекки Весайнена²⁴³, а его постоянному антагонисту — лидеру карельских партизан Ахма (Росомаха) — посвящён исторический роман Августа Вильгельма Эрваста²⁴⁴. Упоминание особенностей партизанской войны (*rappari*) встречается в одной из наиболее известных провинциальных песен

²⁴² Ivalo S., Wilkuna K. Suomalaisia sankareita I.

²⁴³ Krohn J. Kuun tarinoita // The Project Gutenberg [Электронный ресурс]. 1889. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/42470/pg42470.html> (15.12.2021).

²⁴⁴ Ervasti A. V. Ahma. Helsinki, 2013.

Финляндии — *Nälkämaan laulu* («Песня голодного края»), созданной Илмари Кианто по заказу земледельческого общества Каяни в 1911 году²⁴⁵. Особое значение имеет легендарный Лаурукайнен, который выступает в роли финского «Ивана Сусанина»²⁴⁶; он встречается не только в событиях периода *Pitkä viha*, но и периода *Isoviba*²⁴⁷. Данный перечень представляется практически безграничным, но обращение к каждому случаю будет только подтверждать уже достигнутые результаты.

Важным инструментом утверждения памяти о событиях периода *Pitkä viha* стали коммеморативные практики, которые получили наибольшее распространение в 1920–1940-х годах, что указывает на существование определённого государственного дискурса. В отношении периода *Pitkä viha* наиболее распространённой формой стало сооружение памятников, и она же является самой действенной формой. В свою очередь, обращение к коммеморативным практикам, которые утверждали в памяти однотипный образ других периодов русско-шведских войн на территории Финляндии, позволяет выявить их большую вариативность. Например, создание специальных музеев²⁴⁸ и организация тематических выставок²⁴⁹, проведение юбилейных торжеств и появление «именных» мероприятий — это только небольшой перечень, но он свидетельствует о том, что происходило сознательное закрепление в памяти определённого исторического опыта, который играл важную роль в «воображении» нации.

Таким образом, в создании образа периода *Pitkä viha* участвовали профессиональные историки, национальные писатели, а также само государство, которое утверждало его с помощью коммеморативных практик. Углублённое изучение сформированного образа подводит нас к заключению, что период *Pitkä viha* как целостное событие не стал одним из символов прошлого для финской нации, но его отдельные элементы получили символическое значение. Сюжеты трагических событий военного времени и героических действий финских партизан в период *Pitkä viha* дополняют и усиливают действительный символ-выражение памяти о русско-шведских войнах в Финляндии — *Isoviba* — период русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны (1714–1721 гг.). В свою очередь, позднее появление периода *Pitkä viha* в национальном нарративе объясняется не стремлением сделать из него олицетворение «существующей» вражды, а желанием продемонстрировать многовековой характер борьбы финнов

²⁴⁵ Nälkämaan laulu // Kainuun liitto [Электронный ресурс]. URL: <https://kainuunliitto.fi/yhteistyö/viestintä-maakuntakuva-ja-mainetyö/nalkamaan-laulu/> (15.12.2021).

²⁴⁶ Кастрен М. А. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 25.

²⁴⁷ *Läivamaa* K. Laurukainen, Simojoen sissi I–II. Kemi, 2016.

²⁴⁸ *Ruohonen* M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna // *Karunan Kynttilä*. 2016. № 18. S. 8.

²⁴⁹ *Rokkonen* H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297> (15.12.2021).

с «закалятым историческим врагом». Данное обстоятельство подтверждает первоначальное название периода в финляндской историографии — *Vanha viha* («Старая ненависть»).

Сформированный во второй половине XIX — первой половине XX веков образ русско-шведских войн на территории Финляндии обладал общими конструктивными элементами, которые имели определённые функциональные задачи. Компонент «ненависти» (*viha*) обладал мощной объединительной силой, а также утверждал восприятие русских в качестве исторического врага и основного источника опасности. В свою очередь, финские партизаны (Пекка Весайнен, Туомас Теппойнен и др.) были обозначены как собственные национальные герои, а их образ задал критерии для определения своей принадлежности к одному сообществу — финской нации; они стали образцами для идентификации. В первой половине XX века данный исторический опыт стал актуальным элементом образа «Другого», широко эксплуатировавшегося для решения как внутренних, так и внешних задач Финляндии.

Поражение Финляндии во Второй мировой войне в сочетании с некоторыми другими факторами оказало значительное влияние на содержание национального нарратива, что стало причиной изменения образа «Другого». Символы с компонентами «ненависти» (*viha*) были подвергнуты забвению, а свойство амбивалентности идентичности стало причиной актуализации других — прямо противоположных. Тогда же был частично пересмотрен образ финских партизан: их храбрость и самоотверженность до сих пор являются конституирующим элементом финской нации, но образ врага, с которым они боролись, утратил своё значение. Данная ситуация сохраняется и в настоящее время, но забвение — это не исчезновение, поэтому необходимо наблюдать за актуальностью символов прошлого, которые являются важным маркером состояния образа «Другого».

Заключение

Углублённое изучение «финляндской» составляющей Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.) — периода *Pitkä viha* — подводит нас к заключению, что исследование конкретного случая противостояния является более продуктивным подходом, чем Ливонской войны (1558–1583 гг.) — историографического концепта, который объединяет конгломерат войн (или их частей) между Россией и её противниками. В данном случае конкретизация русско-шведской войны продемонстрировала более широкие возможности для исследования как событий военного конфликта, так и его генезиса. Соответственно, Двадцатипятилетняя русско-шведская война была обусловлена

не только столкновением интересов государств в Прибалтике, но и целым рядом других причин: вопросом об «ореховецкой» границе, межплеменными войнами, климатическим фактором, экономическими и демографическими изменениями, спором о «посольском обычае», личной враждой между Юханом III и Иваном IV. Более того, с конкретизацией противостояния появился широкий контекст для того, чтобы обратить внимание на слабо изученные в отечественной историографии события в Финляндии и на Русском Севере, которые оказали важное влияние на происходившую борьбу двух государств.

Военные действия в Финляндии во время Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595 гг.) имели два этапа, точкой раздела между которыми стало провозглашение «великой восточной программы» (1580 г.) — программы шведских территориальных захватов за счёт России. Если на первом этапе (1570–1580 гг.) в условиях отсутствия конкретных целей военные действия в Финляндии имели разрозненный характер и преследовали скорее цель отвлечения внимания противника от действий в Прибалтике, то на втором этапе (1580–1595 гг.) они приобрели основательный и вполне самостоятельный характер. Произшедшая война оказала значительное влияние на последующее развитие противоборствующих государств, особенно их составных частей — Финляндии и всего Русского Севера. Более того, рассмотренные события не ограничиваются историей XVI века, и уже память о войне сыграла важную роль в конструировании финской идентичности. Исторический опыт многочисленных русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода *Pitkä viha*, был использован в процессе формирования финской нации и стал одним из элементов образа «Другого».

В создании образа периода *Pitkä viha* участвовали профессиональные историки, национальные писатели, а также само государство, которое утверждало его с помощью коммеморативных практик. Углублённое изучение сформированного образа подводит нас к заключению, что период *Pitkä viha* как целостное событие не стал одним из символов прошлого для финской нации, но его отдельные элементы получили символическое значение. Сюжеты трагических событий военного времени и героических действий финских партизан в период *Pitkä viha* дополняют и усиливают действительный символ-выражение памяти о русско-шведских войнах в Финляндии — *Isoviha* — период русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны (1714–1721 гг.). В свою очередь, позднее появление периода *Pitkä viha* в национальном нарративе объясняется не стремлением сделать из него олицетворение «существующей» вражды, а желанием продемонстрировать многовековой характер борьбы финнов с «заклятым историческим врагом».

Сформированный во второй половине XIX — первой половине XX веков образ русско-шведских войн на территории Финляндии обладал общими конструктивными элементами, которые имели определённые функциональные задачи. Компонент «ненависти» (*viha*) обладал мощной объединительной силой, а также утверждал восприятие русских в качестве исторического врага и основного источника опасности. В свою очередь, финские партизаны (Пекка Весайнен, Туомас Теппойнен и др.) были обозначены как собственные национальные герои, а их образ задал критерии для определения своей принадлежности к одному сообществу — финской нации; они стали образцами для идентификации. В первой половине XX века данный исторический опыт стал актуальным элементом образа «Другого», широко эксплуатировавшегося для решения как внутренних, так и внешних задач Финляндии.

Поражение Финляндии во Второй мировой войне в сочетании с некоторыми другими факторами оказало значительное влияние на содержание национального нарратива, что стало причиной изменения образа «Другого». Символы с компонентами «ненависти» (*viha*) были подвергнуты забвению, а свойство амбивалентности идентичности стало причиной актуализации других — прямо противоположных. Тогда же был частично пересмотрен образ финских партизан: их храбрость и самоотверженность до сих пор являются конституирующим элементом финской нации, но образ врага, с которым они боролись, утратил своё значение. Данная ситуация сохраняется и в настоящее время, но забвение — это не исчезновение, поэтому необходимо наблюдать за актуальностью символов прошлого, которые являются важным маркером состояния образа «Другого».

Список литературы

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева. — Москва : «КАНОН-пресс-Ц» ; «Кучково поле», 2001. — 288 с.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

Ассман, А. Забвение истории — одержимость историей / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с.

Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

Бородкин, М. М. Краткая история Финляндии / М. М. Бородкин. — Санкт-Петербург : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. — 200 с.

Бурков, В. Г. Изображение льва в государственной символике Финляндии / В. Г. Бурков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — Санкт-Петербург : РХГА, 2012. — С. 355–361.

Вихавайнен, Т. Столетия соседства : размышления о финско-русской границе / Т. Вихавайнен ; пер. с фин. А. И. Рупасова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — 248 с.

Жербин, А. С. Крестьянская война в Финляндии в конце XVI в. / А. С. Жербин, И. П. Шаскольский // Вопросы истории. — 1981. — № 8. — С. 76–90.

Жуков, А. Ю. Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. / А. Ю. Жуков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — Санкт-Петербург : РХГА, 2010. — С. 62–75.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева [и др.] ; под ред. Н. А. Кораблева [и др.]. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

История Швеции / отв. ред. А. С. Кан. — Москва : Наука, 1974. — 719 с.

Казакова, Н. А. Русь и Прибалтика (IX–XVII вв.) / Н. А. Казакова, И. П. Шаскольский. — Ленинград : Госполитиздат, 1945. — 125 с.

Кан, А. С. История скандинавских стран / А. С. Кан. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва : Высшая школа, 1980. — 311 с.

Карелы Карельской АССР / А. С. Жербин [и др.]. — Петрозаводск : Карелия, 1983. — 288 с.

Карху, Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века / Э. Г. Карху. — Ленинград : Наука, 1979. — 509 с.

Киркинен, Х. История карельского народа / Х. Киркинен, П. Невалайнен, Х. Сихво ; пер. с фин. Л. В. Суни ; отв. ред. И. А. Чернякова. — Петрозаводск, 1998. — 322 с.

Коваленко, Г. М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты / Г. М. Коваленко. — Москва : Ломоносовъ, 2010. — 256 с.

Ле Руа Ладюри, Э. История климата с 1000 года / Э. Ле Руа Ладюри ; пер. с фр. А. С. Чаплыгиной ; под ред. Т. В. Покровской. — Ленинград : Гидрометеиздат, 1971. — 280 с.

Лиман, И. Г. Двадцатипятилетние войны XVI века в истории России и Финляндии / И. Г. Лиман // Учёные записки Петрозаводского государственного

Финляндия в Двадцатипятилетней русско-шведской войне (1570–1595 гг.): история и память 74
университета. — 2021. — Т. 43, № 4. — С. 96–102. — URL:
https://uchzap.petrstu.ru/files/redaktor_pdf/1622097707.pdf. — (15.12.2021).

Лялина, М. А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия / М. А. Лялина. — Санкт-Петербург : Изд. В. Березовский, 1908. — 302 с.

Мейнандер, Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Х. Мейнандер ; пер. со швед. З. Линден, С. Машкова. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва : Изд-во «Весь Мир», 2017. — 256 с.

Миллер, А. И. Россия: власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — № 3–4 (46). — С. 6–23.

Нойманн, И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн ; пер. с англ. В. Б. Литвиновой, И. А. Пильщикова. — Москва : Новое издательство, 2004. — 336 с.

Пашков, А. М. История Карелии с древнейших времен до 1917 года / А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — Ч. 1. — 76 с.

Похлебкин, В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах : в 3-х вып. / В. В. Похлебкин. — Москва : Международные отношения, 1995. — Вып. 2, кн. 1. — 781 с.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила ; пер. с фин. Л. В. Суни. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — 360 с.

Сайнио, В. Георг Захариас Юрьё-Коскинен / В. Сайнио // Сто замечательных финнов [Электронный ресурс]. — 2004. — URL:
https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf. — (15.12.2021).

Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение / Ю. А. Сафронова. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 220 с.

Толстикова, А. В. Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского / А. В. Толстикова [Электронный ресурс]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2019. — 25 с. — URL:
<http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=31797>. — (15.12.2021).

Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648) / Г. В. Форстен. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1894. — Т. 2. — 630 с.

Франция-память / П. Нора [и др. ; пер. с фр. Д. Хапаевой]. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с.

Фролов, Р. А. Русско-шведские отношения в 60-е гг. XVI в. / Р. А. Фролов // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2009. — № 8 (76). — С. 309–313.

Хорошкевич, А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века / А. Л. Хорошкевич. — Москва : Древлехранилище, 2003. — 620 с.

Шаскольский, И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. / И. П. Шаскольский. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1950. — 164 с.

Шаскольский, И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством / И. П. Шаскольский. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 218 с.

Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк ; пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с.

Широкоград, А. Б. Швеция. Гроза с Балтики / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2008. — 432 с.

Шкваров, А. Г. Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы / А. Г. Шкваров. — Санкт-Петербург : RME Group Oy ; Алетея, 2012. — 576 с.

Юссила, О. Политическая история Финляндии 1809–2009 / О. Юссила, С. Хентиля, Ю. Невакиви ; пер. с фин. Т. В. Андросовой, Ю. С. Дерябина. — Изд. 2-е, доп. и испр. — Москва : Весь Мир, 2010. — 472 с.

Enbuske, M. Pekka Vesaisen historia: myyttinen sissipäällikkö, kovaluonteinen talonpoika 1500-luvulta / M. Enbuske // Faravid. — 2013. — № 37. — S. 35–57.

Herlin, I. Wilkuna, Kyösti / I. Herlin // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2007. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-004487>. — (15.12.2021).

Ingman, S. Kaarlo IX:n Jäämerenpolitiikka : akatemiallinen väitöskirja / S. Ingman. — Helsinki, 1894. — 110 s.

Ingman, S. Tutkimuksia Pohjoissuomen historiassa vuosilta 1595–1635 : akatemiallinen väitöskirja / S. Ingman. — Helsinki, 1890. — 149 s.

Jaakkola, J. Suomen idänkysymys / J. Jaakkola. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1942. — 103 s.

Jaakkola, J. Suomen historian ääriiviat / J. Jaakkola. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1945. — 202 s.

Jutikkala, E. A History of Finland / E. Jutikkala, K. Pirinen. — Helsinki : WSOY, 2003. — 491 p.

Juva, E. W. Suomen taistelu itää vastaan / E. W. Juva. — Helsinki : Otava, 1942. — 336 s.

Kalemaa, K. Ivalo, Santeri / K. Kalemaa // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2004. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-002819>. — (15.12.2021).

Karonen, P. Pohjoinen suurvalta : Ruotsi ja Suomi 1521–1809 / P. Karonen. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1999. — 533 s.

Katajala, K. Miksi nuijasota syttyi Pohjanmaalla? / K. Katajala // Tieteessä tapahtuu. — 2003. — № 21 (3). — S. 12–17.

Katajala, K. Viipurin läänin historia III. Suomenlahdelta Laatokalle / K. Katajala, A. Kujala, A. Mäkinen. — Lappeenranta : Karjalan Kirjapaino Oy, 2010. — 528 s.

Kirkinen, H. Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II / H. Kirkinen. — Helsinki : Kirjayhtymä, 1976. — 376 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170155>. — (15.12.2021).

Lindeqvist, K. O. Suomen oloista ison vihan aikana : akatemiallinen väitöskirja / K. O. Lindeqvist. — Helsinki, 1886. — 171 s.

Lindeqvist, K. O. Suomen historia / K. O. Lindeqvist. — Porvoo : WSOY, 1926. — 558 s.

Railo, E. Kyösti Wilkuna: ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä / E. Railo // Projektі Lönnot [Электронный ресурс]. — 1930. — URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/2138.zip>. — (15.12.2021).

Rokkonen, H. Sankareita kaikki — Herpmanin poikien tarina / H. Rokkonen // DIGI — Yleisten kirjastojen digitoimaa aineistoa [Электронный ресурс]. — 2015. — URL: <http://digi.kirjastot.fi/items/show/121297>. — (15.12.2021).

Ruohonen, M. Sissipäällikkö Tapani Löfving ja Karuna / M. Ruohonen // Karunan Kynttilä. — 2016. — № 18. — S. 7–8.

Sarmela, M. Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurin kartasto 2 / M. Sarmela. — Helsinki, 2007. — 598 s.

Snellman, A. H. Oulun kihlakunta: muinaistieteellisiä ja historiallisia lehtiä / A. H. Snellman. — Helsinki, 1887. — 287 s.

Suomen historia 2: Keskiaika, valtaistuinriitojen ja uskonpuhdistuksen aika, kansankulttuurin juuret / toim. Y. Blomstedt. — Espoo : Weilin+Göös, 1987. — Vol. 2. — 414 s.

Suomen historian pikkujättiläinen / päätoim. S. Zetterberg. — Helsinki : WSOY, 1987. — 963 s.

Tarkiainen, K. Se vanha vainooja: käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen / K. Tarkiainen. — Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1986. — 349 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/170169>. — (15.12.2021).

Tawaststjerna, W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: vuosien 1570 ja 1590 välinen aika / W. Tawaststjerna. — Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1918–1920. — 784 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167604>. — (15.12.2021).

Tawaststjerna, W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha / W. Tawaststjerna. — Helsinki : Suomen Historiallinen Seura, 1929. — 574 s. — URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/167596>. — (15.12.2021).

Tommila, P. Suomen historiankirjoitus: tutkimuksen historia / P. Tommila. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1989. — 331 s.

Utterström, G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History / G. Utterström // Scandinavian Economic History Review. — 1955. — Vol. 3. — P. 3–47.

Virkkunen, A. H. Vanhan vihan aika ja Nuijasota (Kainuunmaan oloista 1500-luvun lopulla) / A. H. Virkkunen // Oma maa. — Vol. 1. — 1907. — S. 686–697.

Virrankoski, P. Teppoinen, Tuomas / P. Virrankoski // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2001. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-003851>. — (15.12.2021).

Virrankoski, P. Vesainen, Pekka / P. Virrankoski // Kansallisbiografia [Электронный ресурс]. — 2007. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-000435>. — (15.12.2021).

Yrjö-Koskinen, Y. S. Oppikirja Suomen kansan historiasta / Y. S. Yrjö-Koskinen. — Helsinki, 1869. — 577 s.

Yrjö-Koskinen, Y. S. Suomen kansan historia / Y. S. Yrjö-Koskinen. — Helsinki, 1881. — 621 s.

Yrjö-Koskinen, Y. S. Nuijasota, sen syyt ja tapoukset / Y. S. Yrjö-Koskinen // Projektin Lönnrot [Электронный ресурс]. — 1929. — URL: <http://www.lonnrot.net/kirjat/0328.zip>. — (15.12.2021).